

Научный обозреватель

Научно-аналитический журнал

Периодичность – один раз в месяц

№ 2 / 2011

Учредитель и издатель

Издательство «Инфинити»

Главный редактор

Хисматуллин Дамир Равильевич

Редакционный совет

Д.Г.Фоминых

Р.Р.Ахмадеев

И.Ш.Гафаров

Э.Я.Каримов

И.Ю.Хайретдинов

К.А.Ходарцевич

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых статей. Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Научный обозреватель», допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

450054, Уфа, Пр.Октября, 84, а/я 28

Адрес в Internet: www.nauchoboz.ru

E-mail: post@nauchoboz.ru

© Журнал «Научный обозреватель»

© ООО «Инфинити»

Свидетельство о государственной регистрации ПИ №ФС 77-42040

ISSN 2220-329X

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Принтекс»

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Петров А.Б. Транснациональные корпорации и их роль в глобальной экономике	4
Петров А.Б. Система менеджмента в интегрированных сетевых компаниях	9
Зурначян В.С. Некоторые вопросы анализа ликвидности страховой организации: основные методы и их особенности	12
Мельникова Е.Е., Сысо Т.Н. Методы, применяемые в управлении бизнес-процессами	15
Рузанов П.В. Модели и стратегии трудовой адаптации	19

ФИЛОЛОГИЯ

Катунин Д.А. К вопросу об определении направления движения времени в русской языковой картине мира	22
Лебедева О.Б. Образ Неаполя в «Путешествии стольника П.А. Толстого»: «... и описать о том подлинно невозможно...»	26

ЖУРНАЛИСТИКА

Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе	33
--	----

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Казакова И.А. Временное измерение в хранилищах данных	38
---	----

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

А.Б.ПЕТРОВ

кандидат экономических наук

Основной формой концентрации собственности в последние годы стало не накопление капитала внутри фирмы, а централизация в форме слияний (возникновение новой фирмы путем объединения всех активов и пассивов двух или нескольких фирм с прекращением их деятельности) и поглощений (присоединение с передачей всех активов и пассивов другой фирме). Слияние, т. е. формально равноправное объединение, часто означает дружественное (с согласия владельцев и менеджеров) поглощение, при котором сохраняются известные бренды и позиции высших менеджеров.

В России централизация капитала и установление контроля часто достигаются не путем покупки контрольного пакета (это требует публичного уведомления, соблюдения антимонопольных процедур и т. д.), а с помощью эмиссии новых акций (это

размывает пакет прежних собственников), выкупа у кредиторов долгов фирмы, ареста голосующих акций с помощью не всегда обоснованных судебных исков и т. д. Нередко судьи, не имеющие должной экономической подготовки, ошибочно переводят арбитражные дела в уголовные по статье мошенничество (ст. 159 УК) с арестом имущества и самих предпринимателей.

В последние десятилетия слияния и поглощения компаний быстро росли (рис. 1), в т. ч. в Европе (рис. 2), чему способствовала активная деятельность инвестиционных банков (табл. 1)¹.

Однако наиболее крупные сделки, особенно после начала глобального финансового кризиса, имели место в финансово-страховой сфере и среди горнодобывающих и нефтегазовых компаний, но не в машиностроении.

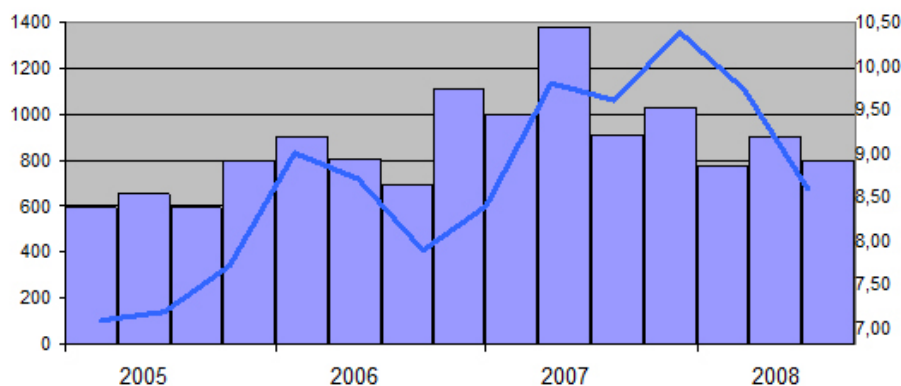

Рис. 1. Слияния и поглощения в мире (без банков) (объем в млрд. долл., число сделок в тыс.)

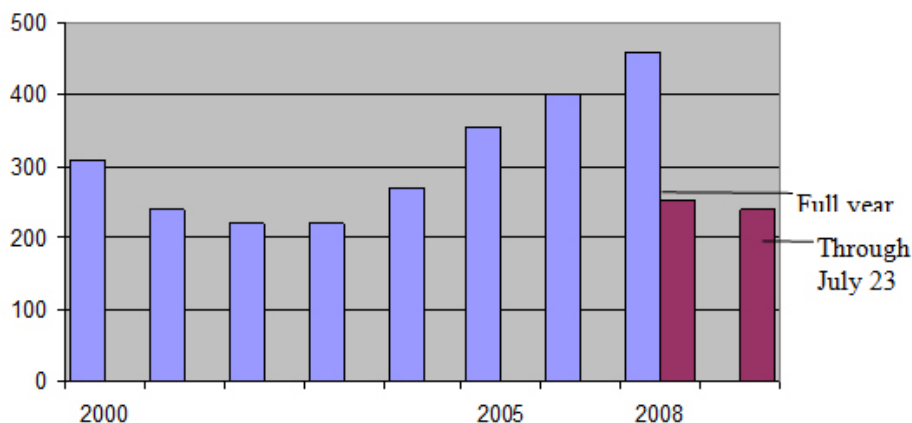

Рис. 2. Слияния и поглощения в Европе (сделки не более 500 млн. долл., млрд. долл.)

¹ FT, 30.09.2008, данные Dialogic.

Таблица 1. Участие инвестиционных банков в слияниях и поглощениях в 2008 г. (9 месяцев)

Место 2008 (2007) г.	Банк	Сумма сделок, млрд. долл.	Число сделок
1(1)	Goldman Sachs	697,7	231
2(3)	JP Morgan	625,9	263
3(4)	Citigroup	594,6	206
4(5)	Merrill Lynch	484,0	213
5(6)	UBS	440,7	236
6(2)	Morgan Stanley	438,3	218
7(8)	Deutsche Bank	419,3	212
8(7)	Credit Suisse	380,1	229
9(9)	Barclay's Capital	233,1	72
10(11)	Lazard	197,7	151

В 2008 г. два из пяти крупнейших инвестиционных банков США обанкротились, а два других — перерегистрировались в обычные банки.

Дело в том, что эффект слияний и поглощений, связанный с увеличением доли на рынке, ослаблением конкуренции, созданием плацдарма на новом рынке, обеспечением устойчивости поставок и продаж, объединением параллельно действующих и конкурирующих служб и производств, приобретением новых патентов, ноу-хау и т. д. реализуется лишь в том случае, если объединяются однородные заводы, например, автомобильные или компьютерные. Так, «Порше» в 2008 г. приобрел контроль (купив более 35 % акций) над крупнейшим европейским автопроизводителем «Фольксваген». Schaeffer (подшипники для машиностроения, аэрокосмической и автомобильной промышленности) купил почти половину акций Continental (четвертый по объему в мире производитель автокомпонентов) и т. д.

Hewlett-Packard за 13,9 млрд. долл. купил Electronic Data Systems, что позволит в течение трех лет сократить 25 из 142 тыс. сотрудников, уменьшить на 1,8 млрд. долл. в год операционные расходы, а за 8 лет окупить все издержки по поглощению. Однако корпорация «Даймлер», которая пыталась создать ТНК, объединив производство автомобилей в ФРГ, США («Крайслер») и Японии («Мицубиси»), потерпела фиаско. Синергический эффект от объединения близких по номенклатуре, но разнородных по организационной культуре заводов не был достигнут.

Напротив, EADS, владеющий Airbus, несмотря на большой портфель заказов, продает 6 заводов по производству узлов лайнеров специализированным компаниям: 3 — в ФРГ, 2 — в Англии и 1 — во Франции, персонал — 9,4 тыс. чел.

IBM — публичная компания (99,9 % акций в свободном обращении), регистрирующая наибольшее число патентов в мире (объем реализации около 100 млрд. долл., чистая прибыль — около 10, капитализация в 2007 г. — более 170 млрд. долл.) продала китайской «Леново» производство настольных компьютеров (где IBM была признанным лидером)

и стандартного компьютерного оборудования, не выпускает более жесткие диски, мониторы и средства хранения информации. Это позволило сосредоточиться на разработке и производстве сложных серверных систем, программного обеспечения (16 млрд. долл. вложено в покупку 60 фирм), консалтинге в области информационных и бизнес-технологий, музыкальных плееров, систем на основе радиочастотных меток и мобильных логистических систем. Ключевой компетенцией IBM становятся нанотехнологии (энергосберегающие серверы, системы хранения данных, опреснения морской воды) и сервисно-ориентированная интернет-архитектура (трехмерный пользовательский интерфейс, бизнес-компоненты, объединенные в блоки, интегрирующие функции компьютеров, сотовых телефонов и т. д.).

Специальное исследование журнала «Forbes»¹ показало на примере «Крайслера», что при создании гигантских компаний рост организационно-управленческих расходов превосходит экономию на транзакционных издержках. Большинство конгломератов, созданных в середине XX в., укрупнилось и разделилось на специализированные компании. В условиях строгого соблюдения контрактов предпочтение отдается не вертикальной, а горизонтальной интеграции, обеспечивающей специализацию на ключевой компетенции, а еще чаще — созданию альянсов и сетей, состоящих из независимых компаний.

Так, «Катерпиллар» вкладывает 1 млрд. долл. в расширение производства бульдозеров и другой техники для горнодобывающей промышленности и строительства на 5 своих заводах в США и ежегодно 2 млрд. долл. — на организацию аналогичного производства в других странах. В то же время альянс с компанией «Навистар» позволит «Катерпиллар» расширить выпуск двигателей, цементовозов, мусоровозов и т. д. на заводах обеих компаний по всему миру (см. рис. 3).

¹ Muller S. Chrysler's last stand // Forbes. 2007. Nov., 26. P. 169-200.

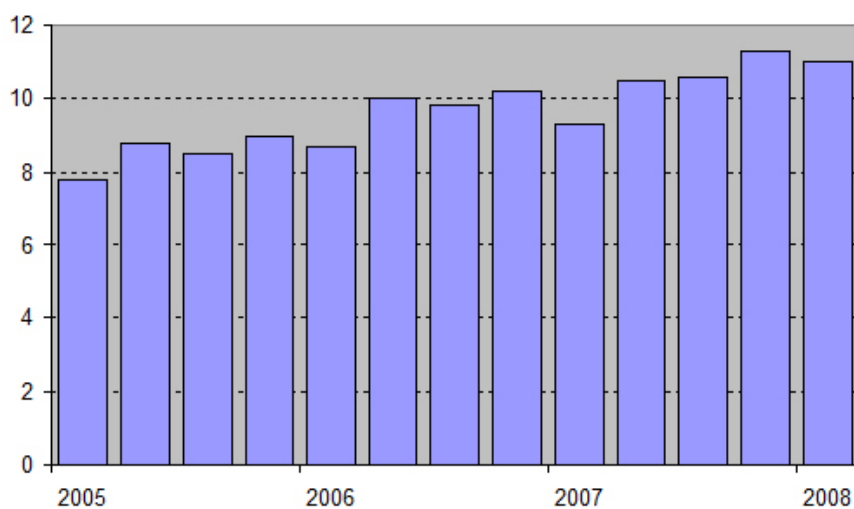

Рис. 3. Рост продаж техники «Катерпиллар» в 2005–2008 гг. (млрд. долл.)

ТНК прошлого состояли из автономных национальных компаний, связанных отношениями собственности. Каждая из них действовала в своем регионе. Современные ТНК имеют единый стратегический центр, их фирмы и субхолдинги специализированы и широко кооперируются друг с другом, но в то же время могут вести операции по всему миру и конкурировать друг с другом. Обмен товарами и услугами внутри ТНК стал важнейшей частью глобальной внешней торговли. Они представляют собой не сумму головной и зарубежных компаний, а единую консолидированную структуру, международную, а не национальную по структуре капитала и руководящих кадров.

И.П. Бойко рассчитал для машиностроения России и ряда других отраслей¹ индекс внутренней концентрации как сумму квадратов долей 8 крупнейших предприятий отрасли (за 100 % принят объем производства этих 8 предприятий). Этот индекс можно рассматривать как модификацию коэффициента Херфиндаля-Хиршмана. Поскольку Росстат публикует данные по 3, 4, 6 и 8 предприятиям, то формула расчета индекса внутренней концентрации $I_{вк}$ может выглядеть следующим образом:

$$I_{вк} = 3 \left(\frac{D_{1-3}}{3} \right)^2 + D_4^2 + 2 \left(\frac{D_{5-6}}{2} \right)^2 + 2 \left(\frac{D_{7-8}}{2} \right)^2,$$

где D_{1-3} , D_4 , D_{5-6} , D_{7-8} — соответственно, доли первых 3 предприятий, 4-го, 5-го и 6-го, и 7-го, и 8-го крупнейших предприятий в объеме производства этих 8 предприятий.

Доля лидеров — АвтоВАЗ, КамАЗ, ГАЗ, «Силловые машины» и др. практически не снизилась, однако большинство заводов по своим размерам резко уступает зарубежным конкурентам и к тому же обладает полным комплексом заготовительных и вспомогательных цехов. Другие заводы входят в конгломераты олигархического типа со случайным набором предприятий как обычных финансовых активов,

которые продаются и покупаются в зависимости от предлагаемых цен. Собственность здесь отделена от управления производством, что сказывается на его эффективности.

Так, «Базовый элемент» — инвестиционная компания, зарегистрированная в оффшоре, 100 % бенефициаром которой является О. Дерипаска, включает технологически не связанные корпорации в алюминиевой, автомобильной (ОАО «Русские машины», включающее ГАЗ, Павловский, Голицынский и Ликийский автомобильные, Канашский автоагрегатный заводы, ОАО «Автодизель», заводы дизельной и топливной аппаратуры и т. д.), авиационной, пищевой, текстильной промышленности, лесном комплексе и многих других отраслях. Основные усилия направлены на недружественные поглощения в целлюлозно-бумажной промышленности (они не увенчались успехом), энергомашиностроении, цветной металлургии, т. е. на противодействие другим инвестиционным группам («Илим Палп», «Интеррос» в 2008 – 2009 гг. и т. д.).

«Российские железные дороги» (принадлежащая на 100 % государству компания с выручкой в 2007 г. 970 млрд. руб. и чистой прибылью около 80 млн. руб.) создала в 2008 г. ОАО «Вагонреммаш» в составе 10 заводов в Тамбове, Воронеже, Новороссийске и др. На их базе организуется производство новых вагонов, после чего акции ОАО будут проданы.

В развитых зарубежных странах консолидация машиностроения идет иным путем. Там строится множество небольших узкоспециализированных предприятий, оснащенных высокопроизводительным оборудованием. В отличие от крупных заводов с полным технологическим циклом их техническое перевооружение менее капиталоемко, что обеспечивает более быструю перестройку производства, исходя из потребностей рынка.

Развитие специализированного производства привело к уменьшению средних размеров предприятий ТНК. Это свидетельствует о переходе концентрации и специализации производства на ка-

¹ Бойко И.П. Процессы концентрации производства в промышленности РФ: оценка уровня и динамики // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. 2005. № 2. С. 100–108.

качественно более высокий уровень, ТНК образуют сетевые структуры, концентрируя специализированные производства на небольших предприятиях под единым стратегическим управлением. При этом изменяется само содержание вертикальной интеграции бизнеса. Она предполагает концентрацию и оптимизацию управления активами технологической цепи (с момента, когда эти активы приобретаются компанией, до их реализации или списания), а не капитала и собственности. Корпоративный портал позволяет согласовать интересы независимых в имущественном отношении фирм — продавцов, покупателей и их представителей. Постоянно обновляемый электронный каталог содержит информацию об условиях поставки товаров, запросах потребителей промежуточных и конечного продукта. Это позволяет увеличить объем продаж по всему миру, контролировать косвенные и накладные расходы, сократить сроки реализации, а в итоге — резко уменьшить транзакционные издержки. Интегрированная структура выполняет функции не монопольного собственника, а стратегического инвестора.

АО «Аэрокосмическое оборудование», контролирующее 37 предприятий России и Беларуси по производству авионики (оборот более 2 млрд. долл. в год, 51 % капитала принадлежит государству, а 49 % — авиаприборостроительному консорциуму), создало в 2008 г. инвестиционный фонд, финансирующий проекты МСБ по производству автокомпонентов высокого качества при сроке окупаемости 6 – 10 лет.

Глобализация и информатизация экономики, специализация фирм на ключевых компетенциях сделала неэффективным дальнейшее укрупнение ВИК. Слияния уже в начале XXI в. потеряли свою магическую силу¹. В 2008 – 2009 гг. объем слияний и поглощений в мире сократился из-за рецессии и снижения курсов акций, которые использовались в расчетах при покупке предприятий.

Консолидированные компании обеспечивают необходимой информацией малый и средний бизнес, получая макроэкономическую информацию от государства. Большинство фирм, особенно машиностроительных, в состоянии получить надежную информацию лишь о ближней среде, о непосредственных партнерах, используя маркетинговые исследования, бенчмаркинг, консалтинг и т. д. Это не решает проблему информационной асимметрии. Средний и малый бизнес не имеет средств на подобные исследования и услуги и особенно страдает от информационной недостаточности, делающей невозможным стратегическое планирование, вынужден прибегать к недобросовестной рекламе.

Крупные компании для получения макроэкономической и внешнеэкономической информации организуют экономический мониторинг и прогнозирование. Весьма велика роль государства в преодолении информационного дефицита. Информация — во многих отношениях общественный товар, ее

предоставление одной компании не уменьшает ее количества для других. Государство может предоставлять информацию бесплатно, возмещая лишь реальные издержки на передачу информации. Неорганизованный частный рынок не обеспечивает достаточное предложение информации и других общественных благ. Как отметил Дж. Стиглиц² и другие исследователи, обострение информационной асимметрии, как это произошло в 2007 – 2008 гг., ведет к дезорганизации рынков. Появление Интернета само по себе не решило эту проблему, а лишь качественно расширило зону поиска и позволило сократить время получения информации. Намеренное искажение экономической информации, которое допустили инвестиционные банки США и ЕС, подрывает экономическую стабильность, которая особенно важна для машиностроения с его длительным научно-производственным циклом.

Производство макроэкономической информации как общественного блага должно брать на себя государство, создавая для этого соответствующие институты, организуя систематическую публикацию данных по различным сегментам рынка, результатов сравнительного анализа и рейтинга компаний, конъюнктурных исследований, среднесрочных и долгосрочных прогнозов в каждом межотраслевом комплексе и технологической цепи в глобальном масштабе

В современных условиях фирма превращается из независимого субъекта рыночных отношений в звено планомерно организуемой контрактной сети, осуществляющей управление межотраслевым процессом вплоть до продажи конечной продукции и обслуживания ее потребителей. Корпорация как многоуровневая иерархия, в которой преобладал административный механизм, уступает место бизнес-группе, состоящей из юридически независимых фирм и специализированных бизнес-единиц, т. е. сети, партнерству по увеличению добавленной стоимости, связанному не административными и имущественными, а контрактными отношениями.

Развитие информационных систем приводит к формированию «виртуальных» компаний (организаций) — альянсов, независимых, в т. ч. небольших по размерам хозяйственных единиц, являющихся узлами информационной сети, обеспечивающей их тесное взаимодействие. Единство и целенаправленность в работе фирм, входящих в альянс, достигаются благодаря гибкой электронной связи на базе информационной технологии, которая пронизывает буквально все сферы их деятельности. Поэтому границы между входящими в них организациями становятся «прозрачными», и каждая из них может рассматриваться в качестве представителя компании в целом.

Выделяются следующие особенности интегрированных (имеющих стратегический центр и фирму, управляющую ресурсными потоками) сетей:

- отношения головных подрядчиков и субподрядчиков в сетях устойчивее, глубже и

¹ Waters R. Mergers lose their magic // FT. 2001. Sept., 08.

² Стиглиц Дж. Куда ведут реформы // Вопр. экономики. 1999. № 7. С. 227–240.

сложнее, они представляют собой стратегический альянс, участники которого вырабатывают общую стратегию, обмениваясь технологиями и ноу-хау;

- фирмы, образующие сеть, выступают как единый субъект конкуренции, поощряя сотрудничество в достижении общей цели, снижая транзакционные издержки и затраты на контроль материальных потоков, но в то же время предоставляя всем партнерам самостоятельность в хозяйственной деятельности. При устойчивом кооперировании на основе долгосрочных контрактов при наличии общего логистического центра нет нужды в дорогостоящей рекламе, постоянном поиске новых поставщиков, заключении с ними детальных разовых контрактов и т. д.;
- стратегическим центром сети становится крупнейшая компания, заключающая с внешними фирмами долгосрочные контракты, которые выходят за рамки обычных отношений субподряда. Эти центры формируют стратегию, развивают ключевые компетенции партнеров, координируют их деятельность, организуют трансферт технологий и ноу-хау;
- в отличие от обычной системы стратегического менеджмента, основанной на линейной модели, стратегия сетей централизует самоорганизующиеся процессы на динамической основе, не предполагающей устойчивого равновесия. Центр собирает и анализирует информацию о новых запросах потребителей, новых технологиях, в т. ч. в смежных отраслях, имеющихся на глобальном рынке ресурсов, действия конкурентов и на этой основе, совместно с партнерами, подбирает номенклатуру сети, гибко реагируя на запро-

сы рынка в целях максимизации добавленной стоимости;

- функции управления товароматериальными потоками в сети обычно передаются ее участниками специальной фирме.

Компьютерные центры позволяют сети на данном сегменте рынка выбирать наиболее эффективных поставщиков и находить покупателей в любом регионе мира, разрабатывать и обновлять номенклатуру продукции и нормы расхода ресурсов в соответствии с заказами клиентов, оперативно управлять всей технологической цепью: информация — материалы — производство — сбыт — послепродажное обслуживание. Это позволяет резко сократить не только транзакционные, но и организационно-плановые издержки, интегрируя электронную коммерцию, организацию работы с поставщиками и клиентами, управление производством, финансовыми потоками, административный блок (распределение функций между структурными единицами, управление персоналом и нововведениями). Современные информационные сети позволили увеличить допустимый размер технологических цепей, координировать деятельность большого числа самостоятельных предприятий, обеспечивая эффективную специализацию и кооперирование.

Разумеется, сети не следует считать универсальной моделью, приходящей на смену традиционным организационным формам предприятий. Сети наиболее эффективны в высокотехнологичных сегментах рынка, которые требуют особой гибкости, адаптируемости к частым изменениям условий внешней среды, но не требуют организации массового производства стандартных изделий. Сети, формирование которых началось во многом стихийно, превращаются в инструмент целенаправленной координации усилий участников процесса воспроизводства, в среднее звено управления. ■

СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА В ИНТЕГРИРОВАННЫХ СЕТЕВЫХ КОМПАНИЯХ

А.Б.ПЕТРОВ

кандидат экономических наук

Превращение фирм – интеграторов промышленных сетей в мезоэкономические структуры, которые не только производят товары и услуги, но и организуют планомерное руководство межотраслевой технологической цепью, существенно изменило всю систему менеджмента. При этом, как показано в ряде работ П. Друкера¹, организационно-управленческие конструкции интегрированных корпораций весьма разнообразны и не могут быть стандартизованы, их выбор определяется стратегией развития и миссией данной корпорации, особенностями соответствующего сегмента рынка.

Управленческие стандарты, рассчитанные на всеобщее применение, не отражают в полной мере особенности современного интегрированного менеджмента. Новые тенденции управления в век интеграции экономических и технологических систем стали исследоваться в 90-е гг.², при этом использовался опыт управления крупными техническими системами³.

В ряде публикаций упор делался на возрастание роли фондового рынка и долгового финансирования компаний по опыту США⁴. Для российских компаний, в т. ч. частных непубличных и АО с государственным участием рекомендовался скорейший выход на российские и международные биржи, размещение долговых ценных бумаг и т. д.⁵. Однако К. Эрроу⁶ и другие экономисты предупреждали о предельных возможностях рынка как механизма использования ресурсов. Что самым драматическим для многих машиностроительных компаний образом подтвердилось в условиях глобального финансового кризиса.

В этой связи особый интерес вызывают работы по теории интеллектуального капитала⁷ и его роли в формировании сетевых структур и фирм нового типа⁸. В ряде работ представлена новая концепция создания добавленной стоимости в таких фирмах⁹, создания региональных и глобальных сетевых

структур¹⁰, использующих новые механизмы роста¹¹, в т. ч. с помощью венчурного финансирования партнеров¹².

Глобализация и информатизация экономики привели к изменению самой парадигмы, т. е. базовых принципов менеджмента.

Можно выделить наиболее существенные отличия современного менеджмента:

- он направлен не только внутрь, но, прежде всего, вне организации, на управление технологической цепью и сетью, в которую входит организация, это позволяет группе компаний активно влиять на выбор технологий, рынков, конечных потребителей и цен, а не считать их лишь заданными извне;
- ведущим фактором повышения конкурентоспособности становится развитие и рациональное использование информационного, инновационного и социального потенциала, снижение транзакционных издержек, а не затрат на изготовление уже освоенных продуктов;
- резко возрастает многообразие организационных структур и методов управления персоналом.

В ряде публикаций исследованы особенности управления интегрированными корпорациями¹³, динамики их рыночной среды в условиях диверсификации¹⁴, включения в эти структуры посредников¹⁵, общей интеграции систем менеджмента¹⁶ и соответствующей реструктуризации и регламентации бизнес-процессов¹⁷.

Получила развитие концепция «невидимых» корпораций¹⁸ и виртуального менеджмента¹⁹, который наиболее соответствует бизнес-экологии – защите

1 Друкер П.Ф. Эффективный управляющий. М., 1994.

2 Sifonis Goldberg B. Corporation on a tightrope: balancing leadership, governance and technology in an age of complexity. N.Y., 1996.

3 The governance of large technical systems. O. Contard (ed.). L., 1999.

4 The deal decade: what takeovers and leveraged buyouts mean for corporate America. M. Blair (ed.). Wash., 1993.

5 Современная практика корпоративного управления в российских компаниях. М., 2008.

6 Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // Thesis. T.1. Вып.2. 1993. С.59–72.

7 Capital for our time: the economic legal and management challenges of intellectual capital. 1999.

8 Braunerhelm P. Knowledge capital and the “new economy”: firm size, performance and network production. Boston, 2000.

9 Lucenko H. How growth creates value. N.Y., 1998.; Shreyer P. High growth firms and employment. Paris, 2000; Canals S. Managing corporate growth. N.Y., 2000.

10 Rugman A., Cruz J. Multinationals as flagship firms: regional business networks. N.Y., 2000; Beekman A. Partnering for growth: entrepreneurial strategies for value-chain management. N.Y., 1999.

11 Doorley T., Donovan S. Value-creating growth: how to lift your company to the next level of performance. San Francisco, 1999.

12 Laurie D. Venture catalyst: the five strategies for explosive corporate growth. Cambridge, 2001.

13 Храброва М. Корпоративное управление: вопросы интеграции. М., 2000; Аставацурьян Е.Р., Лакина С.В. Инструмент управления экономической эффективностью интегрированных структур (На примере ОАО «Российская электроника») // Эмитент. СПб., 2004. № 45. С. 20–28.

14 Аронов А.М. Анализ ближайшей окружающей среды диверсифицированного предприятия. // Науч. зап. каф. прогнозир. и планир. экон. и соц. систем / СПбГУЭФ. СПб., 2001. Вып.2. С. 34–42.

15 Ерзикиан Б.А. Теоретические аспекты интернационализации и интеграции посредников в корпоративные структуры // Теория и практика институциональных преобразований в рос. экономике: сб. тр. ДЭМИ РАН. М., 2002. Вып.1. С. 48–55.

16 Егорова Л.Г. Проблемы и перспективы интеграции систем менеджмента // Сертификация. 2004. № 2. С. 12–19.

17 Елиферов В.Г., Репин В.В. Бизнес-процессы: Регламентация и управление. М., 2004.

18 Marjmonte K. Building the invisible quality corporation. Westport, 1996.

19 Поленок С., Ратушин Ю. «Виртуальный» менеджмент — управление ресурсами на основе интеллектуальных функциональных экономических сред // Финансовые риски. 2004. № 2. С. 90–96.

окружающей фирму среды¹ и кооперативной природе современных фирм². Анализ опыта управления рисками на современном предприятии³ привел исследователей к выводу о необходимости системной трансформации фирм и всей модели менеджмента⁴, формированию новой, более эффективной системы управления предприятиями⁵.

Это подтверждает опыт зарубежных автомобильных компаний⁶ и реструктуризации российского машиностроения⁷, в т. ч. его малых и средних предприятий⁸. Переход от пирамидального к сетевому интегрированному управлению означает реальный контроль над производственными затратами⁹ и преобразование системы машиностроения в целом¹⁰.

Общий вывод состоит в том, что разработанные в 60–80-е гг. модели «Четыре Р» Ф. Котляра¹¹, «Пять сил» М. Портера¹², модели Мак Кинси, матрицы Бостонской консалтинговой группы¹³ и т. д. вполне соответствовали эпохе стабильного развития фирм на базе прежнего технологического уклада. В настоящий момент в условиях глобализации, информатизации, перехода к новому технологическому укладу и регулируемому на новых основах финансовому рынку время простых идей и стандартных формул управления прошло. Каждые 3 – 4 года машиностроительной фирме приходится пересматривать свою стратегию, архитектуру управления и нишу рынка. Особое значение имеет обобщение опыта лидеров машиностроения.

Aixtron (ФРГ) — мировой лидер по производству оборудования для выпуска полупроводников, сосредоточил усилия корпоративного центра не на управлении производством (эти заняты 1/3 сотрудников), а на НИОКР и маркетинге. По такому же пути пошел Prolion (Голландия) — крупнейший производитель оборудования для молочных ферм. Arm (Англия) передал другим фирмам на лицензии не только производство комплектующих, но и сборку техники, сохранив за собой лишь НИОКР, маркетинг и дизайн.

Однако большинство компаний сохраняют контроль над поставками важных комплектующих и выпуск узлов и деталей, где они располагают технологиями и опытом мирового уровня. Так, Cessna (США) сократила долю самостоятельно производимых узлов и деталей для самолетов с 90 до 30 %, однако по-прежнему производит важнейшие узлы, трудоемкость обработки которых ей удалось сократить почти в 4 раза. Ни один из поставщиков не смог

добиться такого результата.

Машиностроительная корпорация Fresenius (ФРГ) передала на сторону выпуск многих стандартных комплектующих, но сохранила на своем заводе в Швейнфурте выпуск сложных насосов. Это гарантировало их качество и снизило цену.

Английский производитель строительного оборудования SCB увеличил долю производимых у себя гидравлических узлов экскаватора, поскольку это обеспечивает более низкие издержки при высоком качестве.

Компания BMW, выпускающая автомобили и мотоциклы, имеет высокую (7,5 %), хотя и меньшую, чем у «Даймлер» и «Ауди» рентабельность. Однако сокращение спроса на дорогие машины заставило ее еще в 90-е гг. сократить персонал головного завода в Мюнхене с 16 до 10 тыс. чел. В 2009 – 2012 гг. намечено сократить издержки на 6 млрд. евро за счет сокращения производства в США и странах ЕС (8 тыс. рабочих мест), использования более дешевых новых композитных материалов, увеличения доли работающих на временных контрактах. Одновременно расширяется модельный ряд, разрабатываются новые экономичные и экологичные двигатели, в т. ч. в альянсе с конкурентами (Мерседес Бенц и др.).

Опыт других машиностроительных компаний обобщен в специальных публикациях¹⁴.

Рассмотрим теперь основы менеджмента в ряде машиностроительных компаний.

В корпорации «Дженерал Электрик» можно выделить следующие принципы управления:

- первостепенное внимание к организационной структуре управления, к созданию рациональных процедур принятия решений, четких регламентов, которых придерживаются все менеджеры;
- быстрая ликвидация нерентабельных и неперспективных подразделений. Компанией были закрыты крупные подразделения по производству бытовых приборов, кондиционеров, полупроводников, которые стали уступать конкурентам, сокращено 10 тыс. работников;
- курс на глобализацию операций и открытие филиалов во многих странах мира;
- интеграция производства оборудования и услуг по лизингу, обучению пользователей, передаче технологий, ноу-хау и т. д. (услуги приносят до 70 % дохода корпорации);
- широкое привлечение работников к управлению: на совещаниях по обсуждению производственных проблем могут присутствовать менеджеры любого уровня; критика приветствуется;
- сочетание высокой требовательности с личным вниманием руководства к проблемам работников, личные связи с ведущими клиентами и партнерами;
- особое внимание к подбору талантливых и

14 Коттер Дж. П. Лидерство Мануситы: Уроки выдающегося предпринимателя XX века. М., 2004; Лежак В. Sony-Ericsson // Искусство управления. М., 2004. № 8. С. 98–99; Попова Л. Интегрированная система управления предприятием на «Пензхиммаш»: Опыт практического внедрения // Компас промышленной реструктуризации. М., 2004. № 3. С. 56–61.

1 Abe J., Dempsey B., Bassett D. Business ecology: giving your organization the natural edge. Boston, 1997.

2 Ichiishi T. The cooperative nature of the firm. Cambridge, 1993.

3 Чернова Г. В. Практика управления рисками на уровне предприятия. СПб., 2000.

4 Мешкова А. А. Сравнительный анализ классических моделей корпоративного управления // Колл. мон. Теория и практика системной трансформации. Под ред. М. А. Склера. СПб., 2006.

5 Построение эффективной системы управления. М., 2008.

6 Смирнов Е. Н. Автомобильные корпорации Германии: современные стратегии развития. М., 2004.

7 Борисов В. Машиностроение: реструктуризация и конкурентоспособность // Экономист. 1999. № 7. С. 67–70; Млюдик С. Г. Реструктуризация предприятия машиностроительной отрасли // Компас промышленной реструктуризации. М., 2004. № 2. С. 19–22.

8 Латыш Е. В., Петровский В. С. Управление в экономических системах малых предприятий машиностроения. Воронеж, 2004.

9 Голиков А. А. и др. Совершенствование контроля в системе управления производственными затратами на машиностроительных предприятиях. Челябинск, 2004.

10 Экономика и управление в машиностроении. Учеб. пособие / Под ред. Н. Н. Кожевникова. М., 2004.

11 Котляр Ф. Основы маркетинга. М., 1995

12 Портер М. Международная конкуренция. М., 1993

13 Мескон А., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992

энергичных помощников.

Система «Тойоты», в т. ч. на заводе в Петербурге, отличается следующим¹:

- роботизированные многомодельные поточные линии;
- ориентация на жесткий контроль качества (более тысячи проверок на протяжении производственного цикла, включая тесты на стендах при скорости 120 км/час, приборная проверка тормозов, токсичности выхлопа и др., остановка конвейера и вызов бригадира при каждом подозрении на брак и т. д.);
- организация внутрифирменной логистики по системе «камбан» (ящик с деталями снабжается бумажным ярлыком со штрих-кодом, получив деталь, рабочий снимает ярлык и складывает в пачку с другими в порядке их использования при сборке, бирки отправляются поставщику комплектующих, что обеспечивает поставку «точно-во-время» прямо на конвейер, минуя склад);
- система заказов дилеров на модель определенного цвета и комплектации, обрабатываемая информационным узлом;
- подготовка рабочих в собственном учебном центре, бригадная организация труда с особым вниманием к рацпредложениям («кружки качества») и условиям труда на рабочем месте (зоны отдыха).

Эти же принципы организации производства и системы управления используют тракторные заводы Индии (Mahindra) и Китая (Jiangsu Yueda Tractor), создавшие в 2008 г. совместное предприятие.

Что касается российских производителей, то ситуация сложилась следующая.

Часть компаний купила акции зарубежных фирм. Например, производитель комбайнов «Ростсельмаш» приобрел в 2007 г. 80 % акций канадской «Bucher Industries». Таким образом компании получили доступ к современным технологиям выпуска сельхозтехники.

Часть компаний меняла стратегию управления и организацию производства.

Например, в 1991 – 2006 гг. при низких ценах на энергоносители и металл ОАО «Силовые машины» ориентировалось на выпуск традиционных паросиловых блоков на экспорт. В ближайшие годы предстоит выпустить агрегаты мощностью 41 Гвт и 80 % из них — для российских заказчиков.

Отметим основные изменения в стратегии компании:

1. разработка и производство моделей нового поколения – паровых турбин со сверхкритическими и суперсверхкритическими параметрами, мощных газовых турбин (по лицензии «Сименс»), новых гидротурбин и турбогенераторов с использованием новых конструкционных материалов;

2. развитие инженерного центра, включающего подразделения «Электросилы», КБ паровых и газовых турбин Ленинградского металлического заво-

да, отделы Центрального котлотурбинного (ЦКТИ) и Всероссийского теплотехнического института;

3. поставки энергооборудования «под ключ», включая турбины, генераторы и т. д., развитие системы управления проектами (экспертный совет включает руководителей подразделений и главных инженеров филиалов ОАО) на основе компьютеризированной системы и жестких регламентов, обеспечивающих своевременную подготовку полной документации для участия в тендерах, прогнозирование реальной себестоимости, обоснованное ценообразование, строгое соблюдение сроков поставок;

4. управление издержками на основе закупки металла и комплектующих изделий в начале производственного цикла, рационализации кредитной и эмиссионной политики, организации новых сборочных линий и т. д.;

5. развитие кооперации с зарубежными (General Electric, Siemens, Alstom, Mitsubishi Heavy и др.) и российскими («Сатурн», «Эмальянс», «Уральский турбинный завод», «Атомэнергомаш» и др.) компаниями при участии в тендерах и их реализации.

На аутсорсинг передается поставка ряда других узлов и деталей, окраска, штамповка, сварка и т. д.; сотрудничество с поставщиками начинается уже при проектировании новой модели и ее узлов, включая совместную разработку конструкции с помощью современного программного обеспечения (срок и стоимость создания новой модели сокращаются вдвое) и цифровой технологии (от прессования и штамповки до сборки и испытания) без создания реального прототипа с испытанием на треке. Симуляторы (имитационные модели) позволяют выявить недостатки конструкции и проверить все ходовые качества машины;

Совместная разработка системы управления качеством и анализ эффективности эксплуатации всех узлов техники позволят отказаться от ненадежных поставщиков (до сих пор лишь 10 – 20 % деталей машин полностью соответствовали техническим условиям), увеличение доли логистических услуг и послепродажного обслуживания во вновь созданной стоимости (до сих пор поставки запчастей составляли только 3 % оборота — на порядок меньше, чем у ведущих компаний). Важное значение имеет консолидация активов (в России 2/3 акций концернов принадлежало их дочерним компаниям), переход к дивизиональной структуре во главе с вице-президентами и новой системе управленческого учета (в проходной еженедельно изымалось похищенных деталей на 2 – 2,5 млн. руб.), ввод в действие новых многомодельных роботизированных поточных линий. ■

¹ Монден Я. Тойота: методы эффективного управления. М., 1989

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АНАЛИЗА ЛИКВИДНОСТИ СТРАХОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

В.С.Зурначян

Актуальность анализа ликвидности страховых организаций определяется тем, что ликвидность в современных условиях страхового рынка является основополагающей характеристикой финансового состояния и тесно связана с платежеспособностью. Ликвидность страховой организации означает возможность своевременной конверсии страховщиком каких-либо ценностей в наличные денежные средства с целью погашения страховых и иных обязательств перед партнером. В современной страховой науке различают ликвидность баланса и ликвидность активов страховой организации.

Ликвидность баланса определяется как степень покрытия обязательств страховщика его активами, срок превращения которых в денежную форму соответствует сроку погашения обязательств. Под ликвидностью актива понимают способность активов трансформироваться в денежные средства в процессе текущей деятельности, а степень ликвидности есть функция времени, в течение которого эта трансформация может быть осуществлена.[2,3] Чем меньше потребуется времени, чтобы данный вид активов обрел денежную форму, тем выше его ликвидность. На рисунке 1 представлены основные методики анализа ликвидности страховых организаций.

Для определения ликвидности баланса следует сопоставить итоги приведенных групп по активу и пассиву. Баланс считается абсолютно ликвидным, если имеются следующие соотношения: $A1 \geq P1$; $A2 \geq P2$; $A3 \geq P3$; $A4 \leq P4$. Четвертое неравенство носит «балансирующий» характер. Его выполнение свидетельствует о наличии у страховщика собственных оборотных средств. Группировка статей актива и пассива страховой организации для анализа ликвидности баланса представлена на рисунке 2.

Показатели, характеризующие ликвидность активов страховщика, определяются через различные финансовые коэффициенты, отвечающие интересам различных внешних пользователей. Например, для перестраховщиков компании наиболее интересен коэффициент абсолютной ликвидности. Страхователи и держатели акций страховой компании в большей мере пользуются коэффициентом текущей ликвидности. Показатели ликвидности активов и их расчет представлены в таблице 1.

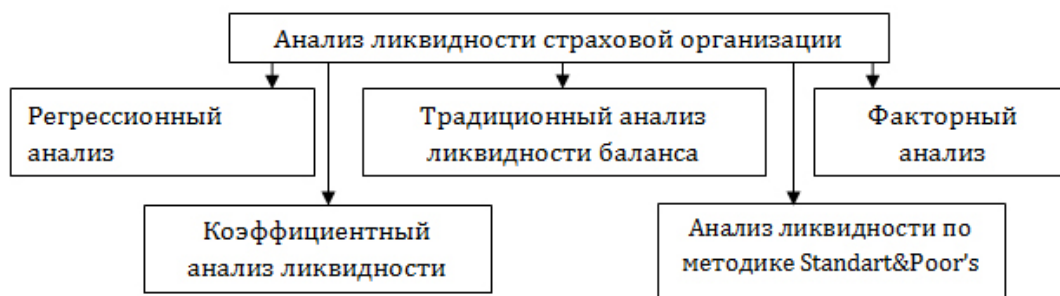

Рис. 1. Основные методики анализа ликвидности страховых организаций

Далее необходимо рассмотреть наиболее распространенные методики. Традиционный анализ ликвидности баланса заключается в сравнении средств по активу, сгруппированных по степени их ликвидности и расположенных в порядке ее убывания, с обязательствами по пассиву, сгруппированными по срокам их погашения и расположенными в порядке возрастания сроков. [1]

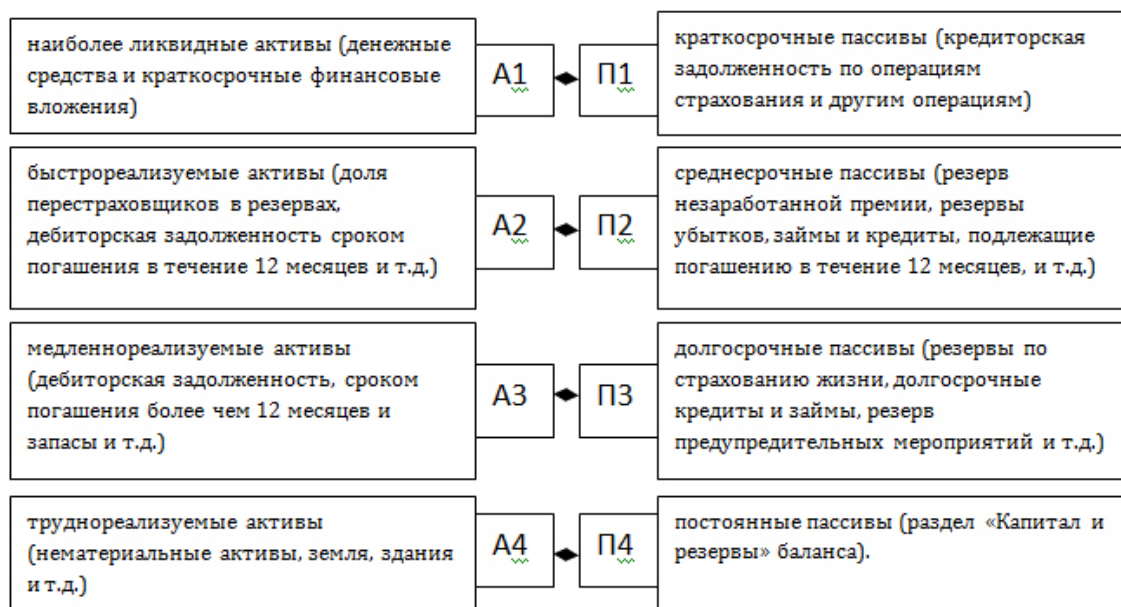

Рис.2. Группировка статей актива и пассива страховой организации

Таблица 1. Показатели ликвидности активов страховой организации

Сущность показателя	Расчет показателя
Показатель абсолютной ликвидности ($L_{абс}$)	
позволяет определить какую долю краткосрочных обязательств покрывают денежные средства, (норматив $> 0,5$)	$L_{абс} = \frac{ДС}{РНП+РУ}$
Показатель срочной ликвидности ($L_{ср}$)	
отражает достаточность наиболее ликвидных активов для покрытия наиболее срочных обязательств, (норматив > 1)	$L_{ср} = \frac{ДС+КФВ}{РНП+РУ}$
Показатель критической ликвидности ($L_{кр}$)	
отражает достаточность ликвидных для покрытия срочных обязательств, (норматив > 1)	$L_{кр} = \frac{ДС+КФВ+КДЗ}{РНП+РУ+КЗ}$

где ДС - денежные средства; РНП - резерв незаработанной премии; РУ - резерв убытков;

КФВ - краткосрочные финансовые вложения; КДЗ - краткосрочная дебиторская задолженность; КЗ - кредиторская задолженность и займы.

У коэффициентов абсолютной, срочной и критической ликвидности есть существенный недостаток: в них учитываются только известные платежи в будущем периоде. У страховых компаний строка «краткосрочные обязательства» отражает лишь малую часть платежей будущего периода. Поскольку сумма будущих платежей будет отличаться от той, что указана в строке баланса краткосрочные обязательства, то коэффициенты необходимо модифицировать, учитывая не известные, но предполагаемые будущие платежи.

Другим распространенным методом является регрессионный анализ, представляющий собой метод установления аналитического выражения стохастической зависимости между исследуемыми признаками. Уравнение регрессии показывает, как

в среднем изменяется y при изменении любого из x . Если независимая переменная одна - это простой регрессионный анализ. Если же их несколько ($n \geq 2$), то такой анализ называется многофакторным. [4] В ходе регрессионного анализа решаются две основные задачи:

построение уравнения регрессии показателя ликвидности, то есть нахождение вида зависимости между результатом и независимыми факторами
оценка значимости полученного уравнения, то есть определение того, насколько выбранные факторные признаки объясняют вариацию ликвидности.

Построение уравнения регрессии показателей ликвидности страховых организаций осуществляется методом наименьших квадратов, суть которого

состоит в минимизации суммы квадратов отклонений фактических значений результатного признака от его расчетных значений. Необходимо проверить значимость полученного уравнения регрессии. Для этого необходимо сравнить показатели описательной статистики с табличными значениями данных показателей по критериям Фишера и Стьюдента.

При использовании рассмотренных выше инструментов, ликвидность страховой организации может быть проанализирована наиболее полно, что позволит страховой организации обеспечить своевременную конверсию активов в наличные денежные средства с целью погашения своих обязательств перед различными субъектами. ■

Библиографический список

1. Гвозденко А.А. Финансово-экономические методы страхования. Учебник. М.: Финансы и статистика, 2008. 184 с.
2. Грищенко Н.Б. Основы страховой деятельности: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 274 с.
3. Журавлев Ю.М. Словарь-справочник терминов по страхованию и перестрахованию. М.: Анкил, 2008. 180 с.
4. Эконометрика: Учебник/ Под ред. И.И.Елисеевой. - Проспект, 2009. — 288 с

МЕТОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В УПРАВЛЕНИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ

Е. Е. Мельникова, Т. Н. Сысо

В современной науке и практике управления все больше внимания уделяется процессному подходу, под которым понимается управление деятельностью организации как системой взаимосвязанных бизнес-процессов (далее – БП). Любое предприятие рассматривается как бизнес-система, состоящая из БП, конечной целью которой является продукция, приобретенная потребителем, или оказанные услуги (удовлетворенный потребитель), а также выполненные требования собственников бизнеса.

Несмотря на все возрастающую актуальность, в научной литературе недостаточное внимание уделяется всей полноте методов, которые могут использоваться в управлении БП. Чаще всего упоминается реинжиниринг, об остальных методах, так или иначе связанных с управлением БП, говорится значительно реже. Чтобы заполнить этот пробел, предпринята попытка классифицировать методы, применяемые в управлении БП, на три группы.

1. *Методы, непосредственно направленные на управление БП:*

- непрерывное совершенствование (Continuous Improvement, CI);
- инжиниринг;
- реинжиниринг;
- перепроектирование (концентрированное улучшение).

2. *Методы, которые имеют иную область применения, но могут быть использованы и для управления БП:*

- бенчмаркинг;
- метод быстрого анализа решения (FAST);
- функционально-стоимостной анализ (ФСА);
- метод ABC (Activity Based Costing).

3. *Методы, опирающиеся на процессный подход:*

- TQM (всеобщее управление качеством);
- система менеджмента качества в соответствии с ISO.

Рассмотрим эти методы, их отличия друг от друга, преимущества и недостатки, с точки зрения эффективности их применения в управлении БП.

Методы, непосредственно направленные на управление БП

Непрерывное совершенствование (Continuous Improvement, CI). Долгосрочное, непрерывное развитие БП организации, осуществляемое постепенно, снизу вверх, на основе резервов, имеющихся в существующих технологиях предприятия,

и характеризующееся сохранением социального равновесия, в силу естественного характера изменений, на основе самоорганизации людей и коллективов. Речь идет о технологии непрерывного улучшения всех бизнес-функций в рамках БП предприятия самими исполнителями. Небольшие предложения от каждого сотрудника не приводят к существенным затратам, но накапливаются и в результате приводят к росту качества, снижению совокупных затрат, сокращению длительности цикла БП.

Сильные стороны – метод не вызывает сильного сопротивления персонала и социальных потрясений и позволяет осуществлять постоянное совершенствование БП в текущем режиме.

Слабые стороны – обеспечивает только постепенные улучшения по отношению к существующему уровню ведения бизнеса; характеризуется отсутствием оперативности принятия решений; опирается на инициативный и ответственный персонал, которого в организации может не оказаться.

Инжиниринг. Использование формализованных методов и приемов для детального построения и внедрения моделей БП, с целью удовлетворения потребностей конкретных групп клиентов в условиях сильной дифференциации спроса и предложения. Инжиниринг является следствием перехода от массового унифицированного производства к учету потребностей индивидуального клиента и предполагает проектирование БП путем определения его целей и задач; внешних и внутренних потребителей; места и роли в системе БП предприятия, механизма реализации; границ; входов и выходов; критериев эффективности БП, на основании которых после внедрения модели становится ясно, выполняется реальный БП в соответствии с разработанной в ходе инжиниринга моделью, или нет.

Сильные стороны – проектирование деятельности предприятия в виде БП позволяет в последующем контролировать ход ее выполнения и управлять ею, причем дает возможность проектировать БП по-разному в зависимости от особенностей той или иной группы клиентов.

Слабые стороны – сам процесс проектирования БП является довольно сложной и трудоемкой задачей, и не всегда та модель БП, которая была получена в результате инжиниринга, может быть вне-

дрена на практике и быть эффективной.

Реинжиниринг. Метод, основанный на отказе от старых порядков, правил и методов при перепроектировании БП. Реинжиниринг, в понимании его родоначальников Майкла Хаммера и Джеймса Чампи, предполагает создание БП «с чистого листа». Второй подход (Томас Дэйвенпорт) появился в результате анализа критических замечаний в адрес метода «чистого листа» и предполагает предварительный анализ и описание существующих БП.

Классическое определение реинжиниринга БП дано М. Хаммером и Дж. Чампи: «Фундаментальное переосмысление и радикальное перепроектирование бизнес-процессов для достижения драматических усовершенствований в критических, современных показателях деятельности, таких как стоимость, качество, уровень обслуживания и скорость (оперативность)» [4. Р. 36].

«Фундаментальное переосмысление» – ответы на вопросы, «что делать, как и почему?»;

«радикальное перепроектирование» – существенный характер изменений, глобальная перестройка; «драматические усовершенствования» – большой масштаб и драматический характер, поскольку несут ломку устоявшихся правил и норм; «критические показатели» означают важность, поскольку ошибки в управлении ими могут стать критическими; «современные показатели» – учет текущей ситуации [5. С. 62; 9. С. 103–104].

Среди основных методов реинжиниринга можно выделить: устранение излишних или длинных потоков работ, разрывов и «слепых мест» в БП; сокращение ресурсов, вовлеченных в БП; выполнение БП самим клиентом или поставщиком (вывод ключевых БП за пределы компании); встраивание в БП механизмов контроля; объединение нескольких работ в одну; упрощение работ.

Сильные стороны – в случае успеха дает огромный рост эффективности, производительности и обеспечивает серьезные конкурентные преимущества.

Слабые стороны – большие финансовые затраты, риск; сопротивление персонала нововведениям; мобилизация всех ресурсов на достижение цели; возможность только одного реинжинирингового проекта в единицу времени.

Перепроектирование (концентрированное улучшение). Представляет собой совершенствование существующего БП посредством моделирования его оптимальных параметров и обычно применяется к БП, которые в целом работают хорошо, но могут работать еще лучше. Дж. Харрингтон, К. С. Эсселинг, Х. Ван Нимвеген считают, что «перепроектирование процесса обычно снижает затраты, длительность цикла и количество ошибок на 30–60 %» [6. С. 8].

Перепроектирование предполагает построение имитационной модели БП «как есть», ее анализ и поиск способов оптимизации. Например: устранение излишних бизнес-функций, дублирования; упрощение бизнес-функций; сокращение

времени и затрат ресурсов на выполнение работ; анализ добавленной ценности; решение текущих проблем; вывод части БП в аутсорсинг, частичная реструктуризация предприятия; ввод новых бизнес-функций; стандартизация и автоматизация БП и т. д. Перепроектирование не предполагает создание принципиально новых способов организации БП, а заключается в доведении до совершенства уже опробованных методик. В результате проводится сравнительный анализ БП, чтобы гарантировать, что перепроектированный БП будет лучше предыдущего.

Сильные стороны – позволяет осуществить совершенствование существующего БП с учетом имеющегося опыта, методик и технологий предприятия и обеспечить, таким образом, конкурентное преимущество.

Слабые стороны – новый БП строится как улучшенная версия старого, что не всегда позволяет обеспечить существенный рост эффективности.

Методы, которые имеют иную область применения, но могут быть использованы и для управления БП

Бенчмаркинг. Применительно к управлению БП представляет собой сопоставление БП собственного предприятия с аналогичными БП иных, более успешных предприятий. В широком смысле бенчмаркинг подразумевает сравнение не только БП, но и клиентов, продукции, затрат и т. д.

Дж. Харрингтон, К. С. Эсселинг, Х. Ван Нимвеген считают, что «обычно бенчмаркинг процесса снижает затраты, длительность цикла и уровень ошибок на 20–50 %» и «этот подход имеет смысл использовать для 5–20 % основных процессов организации» [6. С. 7].

Е. А. Михайлова выделяет следующие принципы концепции бенчмаркинга: концентрация на качестве, важность БП, учет несовершенства модели TQM (сравнение результатов с прошлым, а не с настоящим), систематическое проведение внешнего бенчмаркинга, бенчмаркинг – основа выживания [8].

В общем виде бенчмаркинг предполагает следующие этапы: диагностика предприятия, выбор объекта бенчмаркинга, определение ключевых параметров БП, поиск компаний с аналогичными БП, отбор компаний, у которых эти параметры наилучшие, анализ особенностей БП в отобранных компаниях, анализ возможностей внедрения чужих способов организации БП, внедрение с учетом специфики собственного предприятия, анализ и оценка конечных результатов.

Сильные стороны – четкая фиксация и мониторинг параметров БП, позволяющие осуществлять их совершенствование; возможность использовать опыт разных компаний; опора не на прошлый опыт, а на актуальную информацию при принятии решения о направлениях усовершенствований БП.

Слабые стороны – вероятность невозможности адаптации чужого опыта на своем предприятии,

отсутствия компании, которая могла бы стать эталоном; труднодоступность информации для бенчмаркинг-анализа.

Метод быстрого анализа решения (FAST). Основан на быстрой выработке идей (применительно к управлению БП – в отношении способов их усовершенствования) и таком же быстром их воплощении в жизнь. Осуществляется специально созданной на предприятии

группой и заключается в проведении одно-, двухдневного совещания, в течение которого

определяются способы усовершенствования конкретного БП, причем срок на проведение таких усовершенствований не должен превышать следующие три месяца. Окончательное решение о том, какие методы осуществлять, принимается руководством предприятия во второй день по результатам работы группы. Типичными улучшениями при применении FAST подхода являются снижение затрат, длительности цикла и уровня ошибок на 5–15 % за 3-месячный период [6. С. 6].

В рамках метода FAST выделяют этапы: выбор объекта и целей его усовершенствования; согласование решения с руководством; создание рабочей группы; собственно осуществление FAST (совещание рабочей группы в течение одного-двух дней); подведение итогов (отбор рациональных предложений и их сортировка на подлежащие внедрению в течение трех месяцев и в более долгий срок); принятие решения заказчиком; осуществление членами рабочей группы отобранных решений в течение следующих трех месяцев; подведение итогов внедрения.

Сильные стороны – позволяет в достаточно короткий срок решить возникающие текущие проблемы в БП предприятия.

Слабые стороны – не подходит для сложных, комплексных задач, требующих кардинальной перестройки БП и больших финансовых затрат.

Метод функционально-стоимостного анализа (ФСА). Комплексный метод определения стоимости и других характеристик изделий, услуг, потребителей, позволяющий оптимизировать потребительские свойства и издержки. В основе ФСА управления процессами (в западной практике – Value Analysis) лежит концепция стоимости, взаимосвязь между удовлетворением самых разных потребностей и используемых при этом возможностей. Чем выгоднее соотношение удовлетворенных потребностей и затраченных на них ресурсов, тем выше стоимость. Заинтересованные стороны могут по-разному понимать стоимость. Цель ФСА – согласовать эти различия и достичь максимальной реализации поставленных целей при использовании минимальных ресурсов. ФСА направлен на максимизацию потребительской стоимости и может использовать другие методы, в том числе метод ABC, который, как правильно отмечают Е. А. Кузьмина, А. М. Кузьмин [7], часто неверно отождествляется с методом ФСА. Метод ФСА намного более сложный, комплексный, может использовать разные инструменты для до-

стижения своих целей, и его ключевыми категориями являются стоимость БП, полезность для клиентов; а для метода ABC главное – распределение и учет затрат.

Сильные стороны – опирается на реальные данные о БП и позволяет осуществлять моделирование БП с заранее прогнозируемыми показателями их будущей эффективности и полезности для потребителя, что, несомненно, повышает важность этого метода для принятия управленческих решений.

Слабые стороны – эффективен для решения конкретной задачи; систематическое его применение не целесообразно по причине больших затрат персонала, времени и финансов.

Метод ABC (Activity Based Costing). Метод процессного (пооперационного) определения и учета затрат. Оптимизация БП с помощью метода ABC предполагает определение методики распределения затрат; создание модели для пооперационного расчета затрат; распределение затрат между БП и бизнес-функциями; занесение в модель соответствующих формул для распределения затрат; получение на основе модели информации о стоимости каждой бизнес-функции, БП, подпроцесса. В стандартном понимании метода ABC его цель по окончании данного этапа является выполненной. Метод направлен на распределение и учет затрат, с последующей оптимизацией деятельности предприятия. Однако существует мнение, что метод ABC на этом не заканчивается. Некоторые авторы выделяют в качестве самостоятельного метода ABM (Activity based management) – процессное (пооперационное) управление затратами [7]. Метод ABM позволяет исключить малоценные высокозатратные БП, бизнес-функции и уменьшить издержки, что в свою очередь может использоваться при проведении ФСА, реинжиниринга и т. д.

Сильные стороны – позволяет минимизировать затраты предприятия путем ликвидации высокозатратных операций и БП.

Слабые стороны – очень сложно, а иногда и просто невозможно получить полную и достоверную информацию для проведения этого метода.

Методы, опирающиеся на процессный подход TQM (всеобщее управление качеством).

Подразумевает наличие системы создания и усовершенствования продукции предприятия в соответствии с требованиями и приоритетами рынка. TQM базируется на необходимости постоянного улучшения, важности покупателя, культурных изменениях, групповой работе и важности вклада каждого. Управление процессами в соответствии с TQM подразумевает вовлечение в процесс планирования деятельности предприятия всех работников, что одновременно будет способствовать эффективности деятельности предприятия и повышению у персонала степени ответственности. TQM представляет собой мероприятия и действия, которые уделяют особое внимание постепенному усовершенствованию рабочих процессов и выпусков продукции

в ограниченный период времени [3].

Сильные стороны – создаются наилучшие условия для самовыражения, максимального проявления способностей персонала, предприятие становится «вторым домом»; достигается максимальное удовлетворение потребителей; постоянное совершенствование деятельности предприятия.

Слабые стороны – смена парадигмы управления – сложный процесс, в котором главная роль отводится персоналу, его развитию и обучению, однако отдача от персонала может не соответствовать затраченным усилиям.

Система менеджмента качества в соответствии с ISO. Принципами менеджмента качества в соответствии с ISO (International Organization for Standardization – Международная организация по стандартизации) являются: ориентация на потребителя, роль руководства, вовлечение работников, процессный подход, системный подход к менеджменту, постоянное улучшение, принятие решения, основанное на фактах, взаимовыгодные отношения с поставщиками [1].

Процессный подход в СМК подчеркивает важность: понимания требований и соответствия им; необходимость рассмотрения БП с точки зрения добавленной ценности; достижения результатов выполнения БП и их результативности; постоянного улучшения БП, основанного на объективном измерении. Кроме того, ко всем БП может применяться методология, известная как цикл Шухарта-Деминга или PDCA (планирование – действие – проверка – корректировка) [2].

Сильные стороны – управление БП в рамках СМК; документированные стандарты ISO повышают вероятность эффективного внедрения СМК; сертификация СМК повышает шансы на победу в тендерах, увеличивает доверие инвесторов, улучшает имидж и облегчает выход на мировой рынок.

Слабые стороны – на практике внедрение СМК может происходить формально и сводиться к документированию БП без их усовершенствования, концентрации усилий на прохождении сертификации.

На практике данные методы могут использоваться в различных сочетаниях. Так, например, метод ФСА позволяет получить информацию для последующего осуществления управления БП на основе методов TQM, непрерывного улучшения, реинжиниринга и др.

Подводя итог, можно сказать, что методы, относящиеся к первой группе, целесообразно применять руководителям, которые поставили перед собой цель твердо стать на путь процессного управления предприятием. Нужно также учитывать, что эти методы являются взаимоисключающими и не могут применяться одновременно.

Методы из второй группы объединяет то, что их применение на предприятии не обязательно связано с управлением БП: так, бенчмаркинг может быть направлен на сравнение продуктов и услуг; метод FAST – на быструю выработку решений не в отношении БП, а в отношении возникших на предприятии проблем (например, низкая квалификация персонала); метод ФСА – на оптимизацию ассортимента продукции (с точки зрения ее полезности для потребителей), а не на оптимизацию стоимости отдельных БП; метод ABC направлен на определение и учет затрат и необязательно влечет последующую оптимизацию БП. Степень применения этих методов в управлении БП зависит от конкретных целей и задач, стоящих перед предприятием.

Методы из третьей группы объединяет то, что они затрагивают все сферы жизни предприятия, включая смену идеологии управления. Эти методы основываются на процессном подходе к управлению, но не ограничиваются им. ■

Библиографический список

1. ГОСТ Р ИСО 9000-2001. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.
2. ГОСТ Р ИСО 9001-2001. Системы менеджмента качества. Требования.
3. Yogesh M. Business Process Redesign: An Overview // IEEE Engineering Management Review. 1998. Vol. 26. No. 3.
4. Hammer M., Champy J. Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution // ISBN: 0-06055-953-5, Harper Business, 2001. P. 272.
5. Волков К. В., Попов Е. В. Современный реинжиниринг // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 4. С. 61–69.
6. Харрингтон Дж., Эсселинг К. С., Нимвеген Х. Ван. Оптимизация бизнес-процессов. Документирование, анализ, управление, оптимизация. СПб.: Азбука, 2002. С. 329.
7. Кузьмина Е. А., Кузьмин А. М. Функционально-стоимостной анализ и метод ABC // Методы менеджмента качества. 2002. № 12.
8. Михайлова Е. А. Основы бенчмаркинга: основные принципы концепции и планирование бенчмаркингового проекта
9. Фирсов М. Реинжиниринг процессов как метод управления бизнесом // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 2. С. 100–104.

МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ

П. В. Рузанов

Весь спектр личностных характеристик (качеств) работника выступает как единство внутренних факторов трудовой адаптации, которые определяют (замедляют или ускоряют) скорость включения работника в межличностные, производственные, профессиональные отношения. Так, например, одинаково подготовленные в профессиональном отношении работники, имеют разную производительность труда. Соответственно, адаптивность работника зависит от индивидуальных психических различий человека. Высокая адаптивность работника возникает тогда, когда наблюдается соответствие психических свойств человека и его профессиональных особенностей.

Схематично модель адаптивного трудового поведения работника можно представить как комбинацию психофизических, социальных и экономических способов приспособления. Комплексный анализ непрерывной взаимосвязи данных механизмов адаптации представляет собой большой интерес, но требует проведения крупномасштабного исследования, включающего определение типов личности, социальных и экономических типов поведения. Поэтому в настоящей работе будут рассмотрены только экономические модели адаптации работника.

С помощью социологического исследования представляется возможным установление распределения работников по модельным группам с последующим выяснением специфики встроенности определенных социальных групп работников в систему трудовых отношений. Социологическое исследование проводилось на предприятиях промышленности Северо-Казахстанской области (СКО) Казахстана в 2005 г. Выборка соответствует критерию репрезентативности.

Уровень текущей (наличной) адаптированности различных групп работников проводилась в соответствии с методикой, предложенной Л. В. Бершовой [2]. В соответствии с ней индексы удовлетворенности (показатели адаптированности) принимают значения от -1 до $+1$. Считается удовлетворительным значение индексов более $0,2$; высокий уровень адаптированности составляет более $0,6$. Если групповой коэффициент принимает значение менее $0,2$, это характеризует степень удовлетворенности условиями труда как низкую.

Оценка изменений респондентами также оценивалась в интервале от -1 до $+1$. При этом значение

индекса, равное -1 , говорит о максимальном ухудшении оцениваемых работником сфер в последний год.

Группировка анкетных данных показала, что значительная группа работников промышленности СКО, составляющая более 45% (см. рис.), придерживается утилитаристской модели трудовой адаптации. Эта категория работников обладает повышенной степенью мобильности, как территориальной, так и профессиональной. В стремлении получения материальных благ они достаточно легко могут сменить место работы. Это пример активной адаптации, осуществляемой осознанно. Работники, укладывающиеся в данную модель, в наибольшей степени соответствуют потребностям рыночной экономики: это тип работника, в большей степени соответствующий пониманию «*homo economicus*». Многие утилитаристы повышают свой образовательный уровень, обоснованно связывая собственные усилия с улучшением материального уровня в будущем, повышением личной конкурентоспособности на рынке труда. Часто, не дожидаясь увольнения или сокращения, не желая мириться со сложившейся ситуацией на предприятии, предпочитают самостоятельно искать выход из сложившейся ситуации, используя прежде всего личные ресурсы, не надеясь на помощь государства.

Несмотря на активные стратегии приспособления, уровень удовлетворенности работников с утилитарными ценностями оценивается как низкий ($0,16$), что позволяет говорить о недостаточной степени приспособления данной категории. Это свидетельствует о том, что для успешности трудовой адаптации недостаточно иметь утилитаристские качества. «Утилитаристы» не удовлетворены общей социально-экономической ситуацией в регионе, оценивая ее как негативную (значение показателя $-0,18$). Аналогичное направление имеет и самооценка социально-экономического положения. Социально-экономическое самочувствие оценивается положительно, но с малой амплитудой $-0,05$; удовлетворенность трудовой ситуацией составляет $0,17$. Работники-утилитаристы отмечают незначительное ухудшение экономической региональной динамики ($-0,07$), что негативно характеризует внешние условия приспособленческих процессов в регионе.

Модель патернализма основывается на принципе удовлетворения материальных ценностей

при минимальных усилиях со стороны работников. К ней относятся в основном работники предприятий бывшего ВПК, крупнейших предприятий машиностроения г. Петропавловск с инертным сознанием. Модель имеет тесную связь с двумя другими – иррационализмом и инфантилизмом. Чаще всего работники, укладывающиеся в характеристики данной модели, имеют высокие возрастные характеристики, продолжительный стаж (в том числе в советское время) трудовой деятельности. Большинство «патерналистов» (около 67 %) считают, что их жизнь в сравнении с советским периодом ухудшилась. В условиях СКО данная адаптационная модель формируется под воздействием депрессии во многих подотраслях промышленности. Вера в помощь извне – со стороны государства, предприятия – граничит со страхом перед новой рыночной реальностью. Для патерналистов характерны психологическая неготовность к переменам, пассивная адаптация. Очевидно, в нынешних условиях трудовое поведение в рамках модели патернализма соответствует понижающей траектории адаптации. Значительная часть работников данной группы характеризует свое нынешнее состояние как выживание в нынешних условиях. Инерцию «патерналистов» подтверждает тот факт, что только треть данной подгруппы повышала свою квалификацию за последние три года. Это один из самых низких показателей среди всех рассматриваемых моделей. Стратегии выживания здесь применяются традиционные: практически все экономят на средствах существования (покупка недорогой одежды, продуктов невысокого качества, широкое использование садово-огородных заготовок), берут деньги в займы; 51,2 % продавали собственное имущество.

Оценка индивидуального самочувствия работников-патерналистов негативная (–0,22); средняя удовлетворенность социально-экономическим развитием региона отрицательная (–0,17); удовлетворенность трудом на предприятии также кризисная: (–0,09). Это показывает достаточно низкую адаптированность работников данной подгруппы. «Патерналист» оценивает изменения окружающей социально-экономической среды как ухудшение с наибольшей в сравнении с другими моделями амплитудой.

Значительная по представленности группа работников, составляющая около 40 % респондентов, – иррационалисты. Значительный масштаб распространения данной модели среди работников промышленности объясняется советским периодом воспитания идей коллективизма, социализма, патернализма, а также особенностями менталитета населения.

Представителей иррациональной модели мало заботят меркантильные, материальные интересы, их потребности лежат во внеэкономической плоскости: интересная работа, отношения в трудовом коллективе, психологическая атмосфера на предприятии. Среди ценностей здесь на первое место ставятся семья, друзья. Хотя и материальные цен-

ности им не чужды: обеспечение собственной семьи связано с получением денежного дохода от основного вида деятельности, – однако общий баланс интересов склоняется в нематериальную сторону.

Главной особенностью иррационализма является высокий уровень стабильности. В сравнении со всеми другими моделями такие работники в наибольшей степени удовлетворены трудовой ситуацией, т. е. в наименьшей степени подвержены влиянию негативных факторов. Так, например, допустимое значение группового индекса удовлетворенности трудом (0,27) наблюдается только в модели иррационализма. О нежелании смены места работы также заявили около 60 % работников этого типа, что является максимальным значением среди рассматриваемых пяти моделей, а 58,3 % из них работают на последнем предприятии более 5 лет, т. е. относятся к кадровому ядру предприятия.

Модель иррационализма кардинально отличается от всех других моделей поведения работников промышленности и по восприятию происходящих изменений. По всем трем направлениям изменений – социальное самочувствие, удовлетворенность социально-экономическим развитием региона и трудом на предприятии – отмечается улучшение. Можно сказать, что социальный оптимизм в наибольшей степени присущ представителям данной модели. Подгруппе присуще разнообразие способов по поддержанию и росту материального благосостояния: организация собственного дела (15,2 %), получение новой специальности (более 11 %), дополнительная работа (13,9 %), получение денег в займы (около 10 %), работа в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) (5,5 %).

Такая модель, как инфантилизм, представлена 5,6 % работников промышленности СКО. Это работники старших возрастов, а также молодежная часть персонала, еще не сформировавшаяся профессионально. Данный тип работника часто не имеет собственного мнения, а также не предпринимает достаточных усилий для повышения индивидуального статуса. Это пример упрощенного трудового поведения, минимизации усилий по адаптации. Такие работники «плывут по течению», не предпринимая активных действий к изменению сложившегося положения. Модель инфантилизма характеризуется отсутствием поведенческой инициативы. Здесь часто применяются традиционные, показавшие свою надежность несложные адаптационные практики: экономия на средствах существования и сокращение потребления (48,3 % представителей группы), работа на садово-огородном участке (более 60 %), получение денег в займы (58,5 %) и др. Практически все работники данной адаптационной модели нашли работу с использованием социальных связей и не хотели бы ее менять, что свидетельствует о высокой степени их пассивности в условиях кризисного состояния отрасли и многих предприятий промышленности СКО, особенно машиностроительного комплекса.

Оценка изменений адаптантами-инфантелистами следующая: наибольшее ухудшение в шкале от -1 до +1 респонденты связывают с состоянием самочувствия: -0,26. Значительное ухудшение отмечают респонденты и в социально-экономическом развитии региона (-0,17).

Малочисленную группу работников составляет оппозиция, что связано с особенностями современных трудовых отношений в промышленности СКО. Лица, открыто заявляющие о своем несогласии с политикой руководства, неудобны для администрации и, как правило, являются первыми кандидатами на увольнение в условиях преимущественно авторитарного стиля управления. Открыто противостоять приказам, решениям и установкам руководства в условиях высокого уровня безработицы в регионе, слабости профсоюзного движения работники не решаются. Поэтому несогласие со стратегией, тактикой и характером управления на предприятии со стороны данной подгруппы носит преимущественно латентный характер.

Выявить скрытое сопротивление менеджменту весьма сложно, хотя оно существует на любом предприятии [1]. Оппозиционерство является динамической величиной, зависящей от комбинации внешних и внутренних факторов производственной среды, отношений справедливости и т. д. Среди работников промышленности СКО выявлено около 2,7 % работников с преимущественно оппозиционным поведением.

К важным причинам, мешающим самореализоваться, по мнению «оппозиции», относятся: неблагоприятная обстановка в трудовом коллективе, низкая заработная плата. В качестве мер по повышению материального благосостояния работники отмечают не связанные с предприятием усилия: совместительство, работа на садово-огородном участке. Однако «оппозиционеры» в большинстве случаев не хотели бы сменить место работы по следующим причинам: по привычке – 30,6 %, из-за трудности поиска новой работы в условиях высокого уровня безработицы – 33,4 %.

Модели и стратегии адаптации имеют непосредственную связь с уровнем удовлетворенности трудовой ситуацией и социально-экономическим самочувствием работников. Среди работников с утилитарным поведением ассимилировано 7,3 % респондентов. Это работники, имеющие самую высокую степень общей удовлетворенности условиями и отношениями труда. Среди утилитаристов есть и небольшая группа работников (19,5 %), которые имеют низкую удовлетворенность комплексом социально-экономических факторов. Такой тип приспособления, как коадаптация, представляет группа респондентов, составляющая 29,3 % от числа опрашиваемых; они обладают высокой адаптивностью, немедленно начинают поиск новой работы в случае ее потери. Не всегда такая активность со стороны работника является успешной с точки зрения результата. Восходящая коадаптация свойственна 12,2 % респондентов этой категории работников, нисходящая – 17,1 %. Научились прогнозировать ситуацию и строить свою стратегию выживания только 2,4 % работников, но при этом для них характерна отрицательная оценка изменений. Несмотря на преобладание креативной стратегии адаптации, велика доля работников, которые «долго раскачиваются» в условиях потери работы или иных изменений – 41,5 % респондентов.

Проведенное исследование указало на недостаточное внимание, уделяемое процессам трудовой адаптации со стороны организаций и государственных структур управления, что приводит к крайне тревожным результатам. В большинстве случаев не заботятся о накоплении личностного адаптивного потенциала и сами адаптанты. Это требует создания целостной многоуровневой адаптирующей системы, включающей модернизацию образования и здравоохранения, социально-экономические преобразования и внедрение программ повышения качества трудовой жизни в организациях. Именно эти компоненты отвечают за жизненно важные функции трудовой адаптации. ■

Библиографический список

1. Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998. 368 с.
2. Бершова Л. В. Адаптация работников в новых условиях // Справочник кадровика. 2001. № 6. С. 105–110.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Д.А. Катунин

Рассматривается вопрос о возможности определения направления движения времени в национальной картине мира. Заявленная проблема решается посредством анализа темпоральной метафорической лексики современного русского языка.

I. Действительно, ни в естественных науках, ни в философии не существует единого ответа на вопрос о том, куда же течёт время (при условии, что оно вообще «течёт»). Прежде всего, это происходит потому, что свойства, которые приписываются времени в философии, физике и т.д., являются не более чем умозрительными выводами, основанными на конвенциональных допущениях и предположениях, тогда как, очевидно, единственным более или менее объективным «инструментом» для познания проблемы времени может быть признан только язык.

В языке же, в свою очередь, время (как и прочие абстрактные категории и понятия) обозначается преимущественно при помощи метафорической лексики. Например, даже столь употребительная (в том числе и в естественных науках) процессуальная характеристика времени как «*время течёт*» является в основе своей метафорой, посредством которой время уподобляется некоему потоку жидкости, реке («принимая» тем самым на себя весь ассоциативный комплекс, присущий данному образу). Обозначение же «*течения*» времени (или практически любого другого его свойства) каким-либо иным, *неметафорическим* способом представляется крайне проблематичным (а иногда и невозможным в принципе).

Поэтому мы попытаемся найти решение заявленной проблемы (определение направления движения времени в русской национальной картине мира) через анализ соответствующего материала (метафорической лексики) русского литературного языка и так сформулируем свою задачу: определить направление «течения» времени, исследуя языковое отражение, воплощение категории времени (то есть рассмотреть направление «движения» времени как фрагмент русской языковой картины мира – РЯКМ).

II. Для решения этого вопроса прежде всего не-

обходимо развести те ситуации, в которых говорится о течении (движении) времени как некоей безграничной величины (*время идёт, течёт*), и те, в которых указывается на движение каких-либо отдельных отрезков времени, градуированных человеком на том или ином основании (*час, день, век и т.д.*). Такое разграничение имеет первостепенную важность для решения поставленного вопроса, так как от того, имеется ли в виду движение «безграничного» времени или какого-либо отрезка времени, зависит сама возможность определения направления движения времени в принципе. Ибо в тех случаях, когда говорится о течении безграничного времени (*время идёт, дни бегут и т.п.*), мы ничего не можем сказать о направлении его движения (или, напротив, можем сказать всё что угодно, ибо какой-либо более или менее объективной проверке эти умозаключения не могут быть подвергнуты).

Иные выводы позволяет сделать анализ тех случаев, когда говорится о движении каких-либо отрезков времени, так как временные промежутки всегда маркированы по их принадлежности к будущему, прошлому или настоящему и, соответственно, представляется возможным проследить направление их «перемещения». Рассмотрим несколько ситуаций (моделей) подобного рода. Движение времени выражается при помощи следующих сочетаний: *близится полночь, день уходит, год прошёл и т.п.*

Проанализируем подробнее одно из этих выражений со словом **приближаться** (исходное значение: *Переместиться на более близкое расстояние к кому-, чему-л.*; переносное значение: *Стать близким по времени*). Рассмотрим ситуацию, которая метафорически обозначается посредством выражения *приближается ночь*: человек стоит в некоем пространстве, обратившись лицом в ту сторону, где расположено будущее; ему навстречу движется *ночь*. (Понимание будущего как того, что *впереди*, а прошлого – того, что *позади* зафиксировано в словарных статьях «впереди» и «позади», кроме того, такая закономерность отмечается и многими исследователями: «...*впереди* всегда относится к будущему, а *позади* – к прошлому» [1. С. 73]; «...Будущее ассоции-

руется у нас с тем, что «впереди», прошедшее» – с тем, что «позади» нас» [2. С. 21] и т.д.). Таким образом, *ночь*, находящаяся ещё *в будущем*, *идёт*, *приближается* к ожидающему её человеку, находящемуся в настоящем, и постепенно *уходит в прошлое*. То есть отрезки времени в такой интерпретации всегда понимаются как приходящие откуда-то спереди, из будущего. В качестве иллюстрации, подтверждающей приближение времени именно навстречу человеку, могут быть приведены следующие строки: *Попрыгунья стрекоза Лето красное пропела; Оглянуться не успела, Как зима катит в глаза* (Крылов). Отнесённость ещё не наступивших отрезков времени, событий к области прошлого достаточно чётко обнаруживает себя во внутренней форме слова в номинации времён: прошлое – «то время, которое уже прошло». Данная особенность номинации может рассматриваться и в качестве одного из доказательств того, что динамическая ЯММДВ является доминирующей в РЯКМ, поскольку именно для этой модели характерно такое осмысление направления движения времени.

Языковая модель, для которой характерно данное направление движения времени, обозначается нами как динамическая и по ряду своих признаков является наиболее употребительной в русском языке. О подобной интерпретации направления движения времени (из будущего – через настоящее – в прошлое) Ю.С. Степанов говорит как о единственно возможной: «*В нашем современном обществе время представляется нам идущим откуда-то «спереди», по линии нашего взгляда навстречу ему, из бесконечности к нашим глазам*» [2. С. 21]. Такой же позиции придерживается и Б.А. Успенский, говоря о том, что «*будущее приходит к нам*» [3. С. 30]. (Языковые же сочетания, с помощью которых выражается течение «безграничного» времени, хотя и не подлежат строгой идентификации в плане определения направления движения времени, по ряду определяющих признаков (прежде всего – «позиция» времени: *движется* и человека: *статичная*), несомненно, также могут быть отнесены к динамической модели.)

Вторую модель задают выражения с обстоятельствами времени (места), которые ещё более определённо позволяют говорить о направлении движения времени: *время движется к полночи, день близится к концу и т.п.* Эти языковые сочетания, несмотря на своё формальное сходство со средствами выражения движения времени в предыдущей модели, прямо противоположны им в плане определения направления движения времени.

Когда говорится, что *время движется к полночи*, то имеется в виду следующая ситуация: Пространство, в котором два ориентира – «место» человека (момент настоящего) и *полночь* (к которой и движется время); между настоящим временным положением человека (т. е. тем моментом, который описывает данная фраза) и *полночью* констатируется некоторое временное расстояние. Вместе с

тем среди потенциальных значений этого выражения заключено и такое, которое подразумевает, что это расстояние каким-либо образом будет «преодолено». Однако такое преодоление зависит не от *полночи*, которая статична (или какого-либо другого отрезка времени), и не от самого человека, позиция которого здесь столь малозначима, что даже не оговаривается. Следовательно, остаётся только такой вариант, при котором время в своём движении «подхватывает» человека и «приводит» («приносит») его к упомянутому отрезку времени (в данном случае – к *полночи*). Так как «временное перемещение» человека понимается только как возможное вперёд (то есть в будущее), то и направление движения времени может быть определено в данном случае как из прошлого в будущее. (Подобная интерпретация соотносится и с пониманием положения *полночи*: так как она ещё не «наступила», то, следовательно, она ещё в будущем; время же в таком случае движется из прошлого в будущее – к *полночи*). Можно добавить, что движение времени в рассматриваемой модели может пониматься не только как прямолинейное, но и как дугобразное: *день клонится к вечеру (к закату)*. Очевидно, что исходной ситуацией для образования данной метафоры послужило наблюдение за движением солнца по небосклону (сравните: *солнце клонится к закату*).

Кроме уже рассмотренных сочетаний с предлогом «к», к средствам выражения данной модели могут быть отнесены такие сочетания, как *с того* (т. е. прошлого) *времени* (до настоящего момента) *прошло столько-то времени*. В данном выражении направление движения времени (из прошлого – к настоящему) обозначено ещё более отчётливо.

К характерным особенностям этой модели следует отнести и то, что время и человек здесь перемещаются в одном направлении в пространстве, которое заполнено временными ориентирами. Данный признак (однонаправленность движения времени и человека) может быть взят в качестве доминирующего для номинации рассматриваемой модели, которая в таком случае может определяться как *синхронная*. Причём данное обозначение, на наш взгляд, должно рассматриваться не как *видовое*, но как *родовое*, так как под него подпадает ещё несколько моделей, которые выражаются с помощью таких сочетаний: *идти в ногу со временем, обогнать своё время, отстать от своего времени; время несёт (везёт, уносит) нас и т.д.* Однако необходимо отметить, что направление движения времени в данной группе моделей является признаком в достаточной степени факкультативным, так как основными их функциями являются оценка развития каких-либо действий человека (*отстал от времени*); акцентирование его (человека) пассивной позиции по отношению к движению времени (*время уносит нас*) и т.д. Кроме того, во всех сочетаниях этих моделей говорится уже не о движении отрезков времени, а

о течении некоего безграничного времени, что, соответственно, должно затруднять определение направления движения времени.

Поэтому для более полного понимания проблемы определения направления движения времени в моделях, выражаемых при помощи таких сочетаний, представляется целесообразным обратиться к ещё одной модели, которая напрямую к теме данной работы отношения не имеет (так как время в подобной интерпретации не движется). В этой модели оно (время) уподоблено пространству (*полю, дороге и т.п.*), а обозначения временных отрезков – физическим, пространственным ориентирам. Двигается же (ибо понятие *движения* является ключевым и даже обязательным для понимания категории времени) в такой модели человек. Отрезки времени, которые упоминаются в сочетаниях, представляющих данную модель (*войти в новый год, предстоящий день, идти к этому дню, нас ждёт тяжёлая неделя и т.п.*), позволяют сделать заключение, что человек в такой интерпретации движется в будущее. (Об окказиональных вариантах выражения данной модели, где возможно движение и в прошлое, смотрите ниже.)

Подтверждением подобного рода выводов является и тот факт, что движение человека во (по) времени отражает закономерности его филогенеза, когда характерные особенности роста человека (взросление, старение и т.д.) метафорически представляются как этапы некоего жизненного пути от рождения к смерти. И как развитие человека возможно только в «одном направлении» (например, взросление – но никак не наоборот), так и его движение (независимо от того понимается ли это движение как самостоятельное и независимое от времени либо же как совместное с ним), возможно только от прошлого к будущему.

Такое понимание направления движения человека во времени может быть спроецировано и на проблему понимания направления движения времени в синхронных моделях, ибо наравне со *временем* в них движется и *человек* (чьё присутствие в этих моделях достаточно чётко проговорено). Движение же человека, как уже было показано выше, принципиально возможно только в будущее.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы.

Определение направления движения времени возможно только в тех случаях, когда речь идёт об отрезках времени (их движении либо их расположении в «пространстве»), а не о течении некоего «безграничного» времени. Движение времени в РЯКМ в различных ЯМДВ понимается как из будущего в прошлое, так и из прошлого в будущее. Доминирующим является понимание движения времени из будущего в прошлое в *динамической* ЯМДВ.

III. Во всех ситуациях, рассмотренных выше, независимо от того, кто в них является субъектом движения (*время* или *человек*), и от того, в каком направлении происходит такое движение (*из прошлого*

в будущее или *из будущего в прошлое*), движение возможно только вперёд (что ещё раз подчёркивает необратимость, невозвратность этого процесса).

Однако в художественных текстах встречаются метафорические сочетания, в которых реализуются смыслы, потенциально заключённые в языковых метафорах. То есть если какой-либо субъект движения обладает способностью перемещаться вперёд, то, следовательно, он гипотетически, потенциально должен иметь способность двигаться и назад (прежде всего, по аналогии с ситуацией, исходной для данной метафорической модели, – передвижением в физической среде). Например, в статической модели «движения» времени такое свойство проявляется в том из значений, где говорится о развитии (движении) общества в историческом «пространстве». Причём в подобной ситуации присутствует аксиологическая семантика, сводимая в целом к следующим положениям: движение вперёд оценивается положительно, назад – отрицательно (определения отрезков времени, нередко присутствующие в таких сочетаниях, служат дополнительным оценочным маркером): *Мы идём к (светлому) будущему; / Мы идём, **возвращаемся** (!) к прошлому (тёмному, мрачному и т.п.)*. Здесь, очевидно, можно говорить о проявлении всеобщей «архетипической» оценке пространственных перемещений по шкале «хорошо» / «плохо» – соответственно вперёд / назад, вверх / вниз, вправо / влево. Необходимо заметить, что применительно к статической модели будет несколько неверным противопоставление языковых и художественных метафор, так как данная модель выражается преимущественно при помощи метафор второго типа. Скорее, в этом случае следует говорить о первичности (идти вперёд) и вторичности, производности (идти назад) метафор, отражающих то или иное направление движения времени (вперёд или назад). Отметим, что сочетания с подобной семантикой характерны прежде всего для публицистических текстов.

Вместе с тем движение времени (а не человека или общества) назад не обязательно воспринимается как однозначно негативное. Об этом может свидетельствовать, например, следующий фрагмент: В воздухе зависли ностальгические грезы и сентиментальное ретронастроение. **Казалось, время внезапно остановило свой бег, недолго потопталось на месте, а затем двинулось назад – обратно в восьмидесятые** (А. Кушнир). То есть *время шло в будущее (вперёд), остановилось и пошло в прошлое (назад) – в восьмидесятые* (и такое «возвращение» здесь оценивается как желаемое, недостижимое и *положительное*).

Кроме направленности, всякое движение предполагает какую-либо траекторию и, соответственно, может быть охарактеризовано и по её форме (в «горизонтальной» и «вертикальной» плоскостях): прямолинейное, параболическое и т.д. Однако в случае с движением *времени* такой параметр, как траектория, актуализируется очень слабо.

Анализ тех немногочисленных случаев, в которых траектория движения времени как-либо оговорена, позволяет сделать следующие выводы.

В «вертикальной» плоскости движение времени может быть уподоблено дугообразной кривой: *день клонится к вечеру, его жизнь клонилась к закату и т.п.*

Среди характерных особенностей подобного представления траектории движения времени наиболее ярко выделяются такие: а) подобным образом характеризуются только отрезки времени, которые предполагают «стандартно» оцениваемые начало и завершение (*год, сутки (день), жизнь*); б) в языковых метафорах проговаривается только спуск (*клониться*), но не подъём; в) в данной номинации движения времени может быть актуализирована оценочная семантика *верх / низ*, например: *жизнь клонится к закату = жизнь заканчивается*.

В художественном тексте эта метафора может получить, например, следующее развитие: *Куда течёт из года в год / часов и дней сумятица? / Наверх по склону жизнь идёт, / а вниз по склону катится* (Губерман). В статической модели наблюдается сходная ситуация при употреблении таких языковых метафор, как (*находиться*) *на склоне дня, на склоне лет и т.п.: на склоне*.

В «горизонтальной» плоскости траектория движения времени проговорена в ещё меньшей степени (даже на уровне художественных метафор). Здесь нами был обнаружен только один случай отражения горизонтального «искривления» дви-

жения времени: *Солнце шло сторонкою, да время – стороной* (Башлачев). Очевидно, что с помощью этого выражения обозначаются положение, некая позиция героя в жизни: *в стороне от хода жизни, событий и т.п.* Достаточно близко к описанной ситуации по своему значению и следующее выражение: *Я вдруг оглянулся: вокруг никого. / Пустынно, свежо, одиноко. / И я – собеседник себя самого – / у времени с боку припёка* (Губерман). (Отчасти, значение обоих этих фрагментов может быть выражено также с помощью сочетаний, относящихся к динамической и синхронной моделям: *Время (эти события) проходило мимо меня* [где акцент на слове *мимо*]; *Я никогда не мог поспеть за временем и т.п.*). То есть здесь констатируется позиция аутсайдера по отношению к неким глобальным «экзистенциальным» категориям – жизни, истории и т.д.

В статической модели «горизонтальная» вариативность движения человека во времени представлена несколько шире, что обусловлено в первую очередь большей задействованностью исходного образа пространства, в котором происходит движение, по сравнению с другими моделями (динамической и синхронными): *столбовая дорога истории, окольные пути истории и т.п.* Здесь следует отметить несомненную этическую ориентированность такого пространства. В подавляющем же большинстве случаев в связи с тем, что траектория движения времени зачастую никак не оговорена, представляется целесообразным считать такое движение прямолинейным. ■

Библиографический список

1. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
2. Степанов Ю.С. Счёт, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989. № 4, 5.
3. Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья вторая // Труды по знаковым системам. XXIII. Тарту, 1989.

ОБРАЗ НЕАПОЛЯ В «ПУТЕШЕСТВИИ СТОЛЬНИКА П.А. ТОЛСТОГО»: «... и описать о том подлинно невозможно...»

О.Б. Лебедева

Рассматривается литературный памятник Петровской эпохи – «Путешествие стольника П.А. Толстого» с точки зрения неаполитанского текста русской культуры, делается попытка рассмотреть через авторскую позицию образ Неаполя как концептуальное единство. Текст записок П.А. Толстого вписан в историко-литературный контекст как документально-исторический источник романа Д.С. Мережковского «Антихрист (Пётр и Алексей)».

У истоков русской литературной неаполитаны лежат путевые записки стольника Петра Андреевича Толстого [1], который по приказу императора Петра I совершил в 1697–1699 гг. путешествие в Италию и около 1699 г. (см.: [2. С. 172]) описал его в полуофициальном отчете, при жизни автора не опубликованном.

Отдаленный потомок Петра Андреевича, граф Дмитрий Толстой, в 1888 г. впервые напечатавший путевые записки родоначальника графской династии Толстых [3], сопроводил их следующей вступительной заметкой:

В 1697 году посланы были императором Петром в чужие края 37 человек лучших фамилий для науки воинских дел, именно мореходного дела <...>. В числе их был стольник Петр Толстой, <...> «дворянин и без прозвания для того, чтоб в иноземных краях подлинно не ведали, какого чина и каких пород для той вышеописанной науки в их государства посланы». <...> В то время Толстому было 52 года <...>, и готовность его начать в эти годы изучать специальные науки <...> показывает замечательную силу воли. <...> П.А. Толстой <...> посвятил преимущественно свое время на знакомство с местностями: он объехал всю Италию, изучил ее внимательно и вполне овладел итальянским языком, на котором впоследствии говорил и писал. (Это пригодились ему впоследствии, когда государь послал его найти и привезти из Италии в Россию царевича Алексея

Петровича) [4. С. 161–162].

Записки Толстого, как прообраз жанра путешествия и первообраз Италии в русской словесной культуре Нового времени, их первым публикатором были оценены невысоко:

Сделанное им описание своего путешествия, по характеру, складу понятий и воззрений и по направлению своему, всецело принадлежит эпохе древней России, что и понятно, потому что оно было написано до наступления реформенного времени [4. С. 162].

Современные исследователи, обращающиеся к изданию и изучению этого литературного памятника ранней русской авторской словесности Петровской эпохи, оценивают путешествие Толстого несравненно выше:

«Путешествие» П.А. Толстого, вершинное произведение путевой литературы Петровского времени, во многом опередило свою эпоху: по широте охвата действительности, богатству материала, смелости мысли и актуальности решаемых проблем, обстоятельности описаний и яркости жанровых зарисовок, своеобразию стиля, эта книга является прямым предшественником «Писем русского путешественника» Карамзина [2. С. 253].

И далее отмечены развернутый культурологический аспект записок, их просветительский пафос и несомненная этико-эстетическая значимость того типа героя-повествователя, который складывается на их страницах: одного из первых воплощений типа «героя нашего времени», эпохально мотивированного характера [2. С. 267, 271].

Все эти наблюдения можно в полной мере отнести к неаполитанским главам записок Толстого; но, кроме того, очевидно, что на общем фоне типологических приемов повествования о Венеции, Флоренции, Риме и других итальянских городах неаполитанский текст записок Толстого заметно выделяется еще и своим концептуально-образным единством: неаполитанский раздел пу-

тешествия русского стольника – это не просто преподнесенная с точки зрения объективного стороннего наблюдателя эмпирическая совокупность сведений, или, как определяет венецианский текст тех же записок Толстого Н.Е. Меднис, «<...> скорее сумма отдельных наблюдений, нежели цельность видения города» [5. С. 288]. Неаполь предстает в путешествии Толстого именно в качестве локального текста, как образ города, созданный под определенным углом зрения, т. е. как рецептивный ментальный концепт с очевидной единой миромоделирующей семьей, которая находит свое выражение в образно-тематических и словесных лейтмотивах описания.

П.А. Толстой провел в Неаполе чуть больше недели – с 22 июня по 8 июля 1698 г., и типологическая композиционная модель его повествования о городах Италии в неаполитанском разделе записок не только очевидна, но на первый взгляд ничем не отличается от соответствующих композиционных моделей описания других итальянских городов. Эта устойчивая модель складывается из двух постоянных компонентов: подневных записок, фиксирующих последовательность сюминутных впечатлений (вероятно, это подлинный текст дневника, который вел Толстой в путешествии) и завершающего их опыта целостного систематического описания города в его пространственно-пейзажном, архитектурном, социокультурном, демографическом, историческом, статистическом и этнографически-бытовом облике – скорее всего, эти заключительные обобщения были дописаны позже, когда Толстой обрабатывал свои записки.

Однако уже второй взгляд, более внимательный, немедленно обнаруживает два обстоятельства, отличающие неаполитанский текст записок Толстого от описаний Венеции, Флоренции, Милана, Рима и т.д. Во-первых, предметно-пространственное содержание топонима «Неаполь» в сознании и записках Толстого не замкнуто пределами города как такового: он (топоним) обозначает некий более обширный и внутренне единый целостный топос, в котором город является, с одной стороны, центром, но с другой – не более чем отправным пунктом миниатюрного кругосветного путешествия в пространстве и времени. Во-вторых, в неаполитанском тексте записок очевиден очень яркий и очень эмоционально насыщенный образно-тематический и словесно-понятийный лейтмотив «чуда», который, сцепляя воедино разрозненные эмпирические наблюдения и эмоциональные реакции на увиденное, обозначает угол зрения и рецептивный аффект – и тем самым выстраивает образ Неаполя как единое концептуальное целое.

Чудеса начинаются сразу же на подъезде к городу, где в обычную для записок Толстого нейтральную манеру повествования в объективноперечислительной интонации, которая может колебаться в диапазоне от простой фиксации ре-

ального виноградов <...> [6. С. 25]») до эстетического переживания, эксплицированного в текст оценочным эпитетом («<...> поделаны по обе стороны дороги и по середине дороги многие фонтаны изрядным мастерством» – 25), внезапно вторгается ярко эмоционально окрашенный фрагмент, изобилующий превосходными степенями сравнения:

Не доезжая Неаполя <...> на левой стороне есть гора зело высока, которая непрестанно от сотворения света горит, и в день от той горы великий курится дым, а ночью бывает виден и огонь; и так, сказывают, всегда беспрестанно горит и не угасает никогда ни на какое время (25).

Вулкан Везувий, чудо природы, ничего подобного которому русский путешественник никогда не видел, изначально настраивает его взор и душу на чудеса, которые, как окажется впоследствии, поджидают его в Неаполе на каждом шагу, какими бы привычными для бывалого путешественника эти шаги ни были. Знакомство с каждым новым городом Италии Толстой неукоснительно начинал с посещения храмов, и Неаполь в этом отношении не стал исключением: в первый же день своего пребывания в городе, в обществе двух испанских дворян, рекомендованных ему губернатором Бари, откуда Толстой прибыл в Неаполь, путешественник отправился «<...> гулять и смотреть всяких изрядных вещей, которые зрению человеческому сладки обретаются в Неаполе» (25) – и так получилось, что самым первым неаполитанским впечатлением русского стольника тоже стали именно чудеса – но на сей раз не природного, а религиозного толка:

И приехали прежде в Кармитанский монастырь, пришли в костел. <...> в том костеле есть образ Пресвятыя Богородицы чудотворный, и сказывают, что от того святого образа было чудо такое, что пришла одна жена и хотела поцеловать ногу Предвечного Младенца Господа нашего Иисуса Христа, написанного на той святой иконе <...>, и пресвятая Его нога поднялась вверх и доныне есть так всеми видима. <...> В том же костеле стоит высоко над алтарем крест, и на нем сделано тело Христа Господа, с наклоненною головою, а причина того наклонения есть та: в древние лета, во времена в Неаполе бывшего междоусобия, от пушечной стрельбы прилетело одно ядро пущенное на главу тела Христова, сделанное на помяненном кресте, и пречистая Его глава уклонилась, а то ядро скатилось <...> к церковным дверям, и в котором месте осталось, на том месте в помосте церковном сделан круг каменный <...> (25–26).

Начиная с этого момента самыми употребительными эпитетами, при помощи которых русский путешественник описывает Неаполь, становятся слова «чудный», «дивный» и «удивления достойный», периодически усиливающиеся до превосходной степени: «пречудный», «предивный», «преудивительный». Нельзя сказать, что они совсем отсутствуют в описаниях и языке Толстого применительно к впечатлениям, вызванным другими городами Италии, но в неаполитанских главах за-

писок их концентрация так высока, что не заметить их просто невозможно, а особенности словоупотребления в контексте повествования свидетельствуют о том, что свойственное этим эпитетам в обиходной русской речи XVIII в. значение превосходной степени качества, а также и их преимущественная предназначенность для выражения сильных эмоциональных аффектов периодически уступают место их прямому изначальному денотативному смыслу: «чудо чудное» и «диво дивное» представят глазам русского путешественника в двух своих ипостасях – это и верх возможного совершенства, и запредельное явление, то, чего в обыкновенной повседневной реальности быть не может.

Сквозные эпитеты «чудный» и «дивный» и все их производные достаточно очевидно концентрируются в двух тематических разделах неаполитанских глав: их вызывает к жизни созерцание великолепных творений рук человеческих и зрелище поразительных явлений природы.

Еще первый публикатор записок Толстого, граф Дмитрий Толстой, заметил, что объектом специального и преимущественного интереса православного русского стольника в Италии были католические храмы и своеобразие обрядности другой христианской конфессии: Проникнутый глубокой религиозностью, знаток церковной обрядности, Толстой более всего обращал внимание на храмы и богослужение, на различие вероисповеданий, на учения христианских церквей [4. С. 161–162].

Поразительно то, как именно этот глубоко религиозный человек, при всей имманентной православию конфессиональной замкнутости и склонности к неприятию и отторжению инакомыслия и иных обычаев, воспринимал то, что он видел в католических храмах Италии: без всякого преувеличения можно сказать, что он смотрел на их архитектуру, декор, иконопись и богослужебную утварь не столько глазами православного христианина, сколько восторженным взором просвещенного знатока и ценителя искусства и восхищался увиденным не как предметом культа, а как произведением искусства.

Перед его взглядом и под его пером неаполитанские храмы и монастыри кармелитов, иезуитов, театинов и оливетанов, собор Сан-Дженнаро и церковь Санта Мария Аннунциата предстают скорее музеями – хранилищами предметов искусства. В их простом перечислении (а для того чтобы описать эти чудеса искусства словами, русский язык конца XVII в. еще не предлагал большого изобилия образительных средств, и русский путешественник заметно связан его архаикой и однообразием в том, что касается как описательной, так и экспрессивной лексики, которая позволила бы выразить силу эстетического впечатления) преобладают все те же эпитеты; их эмоциональная окраска постепенно нарастает в своей интенсивности до того предела, на котором наступает эстетическое безмолвие и вербальная немота – литературный минусприем, фигура умолчания, являющиеся единственным спо-

собом как передачи эстетического переживания, для выражения которого нет слов ни на каком языке, так и вербального описания вызвавшего это впечатление объекта: <...> алтарь сделан из разных аспидов пречудным мастерством (26); <...> весь убор той церкви преудивительный и зело богатый; письма в той церкви святых икон зело чудны, каких во всей Италии мало обретается <...> узорочные фигуры предивной работы (26); <...> в том же костеле много зело одежд священнических шитых предивным мастерством (28); <...> двои органы великие и зело предивные (28); <...> сделанное из камней <...> тело Господа нашего Иисуса Христа зело пречудным мастерством (36); <...> видел я образ Рождества Христова вырезан на алебастре <...> такую работою сделанный, какой работы на всем свете мало где обретается, и описать о том подлинно невозможно, и уму человеческому непостижно, какая та работа (36–37).

Но особенно поразительно то, что эстетические переживания такой же степени интенсивности у русского путешественника вызывают и культовые памятники языческой античности в окрестностях Неаполя. Хотя Толстой и высказывает праведное убеждение в том, что «проклятый мучитель Нерон», ко временам которого относятся античные руины неаполитанских окрестностей, вкушает адские муки не только за гонения на христиан, но и за почитание «поганских богов», за любовь к которым «купно с ними есть в пекле» (32), – но все же зрелище того, что православному мирозозерцанию по определению должно представляться объектом благочестивого отвращения к «поганским богам», для Толстого становится «вещью предивной».

«Июля в 1 день», т. е. буквально на следующий день после своего приезда в город, Толстой «<...> поехал смотреть удивления достойных вещей, обретающихся в ближних местах» (29), расширив, таким образом, городские пределы Неаполя и отождествив городской локус с пригородным, что впоследствии будет характерно без исключения для всех русских путешественников, оставивших о Неаполе свои письменные свидетельства. И, осмотрев руины античных храмов Венеры, Дианы и Меркурия в окрестностях древнего города Кастель-ди-Байя, Толстой воздал должное их великолепной архитектуре и фрескам, не испытав при этом никакого предписанного православием отвращения к «божницам поганских богов»:

В том месте видел я божницу поганского бога Каприссория, сделанну из камению в земле. В той божнице свод каменный, на том своде множество напечатано поганских богов; а на левкасе, или на извести, что напечатано, того за множеством лет совершенно познать не можно, однако ж предивной и удивления достойной работы было то дело, и какою живностию изображены те поганские боги, о том подлинно описать не могу (32).

Это миниатюрное кругосветное путешествие в пространстве и времени по руинам древнего мира, которое Толстой совершил в течение одного

дня, особенно поразило русского стольника, может быть, потому, что начальный и конечный пункты дороги своей категорической необычностью тоже настроили его на невероятность всего того, что ему предстояло увидеть. Проехав по туннелю, вырубленному под сводами горы Позилиппо и ведущему к городу Поццуоли («<...> и, выехав из города Неаполя, видел вещь предивную: сделана дорога под землю <...>, а на горе, сквозь которую та дорога просечена, много садов всяких и домовное строение каменное <...>» – 29–30), он вернулся в Неаполь морем, и его путь снова прошел туннелем искусственного сквозного грота («<...> сквозь который остров сделан проезд и пропущена вода <...> и по сторонам того проезда поделаны окна для светлости. <...> Тот проезд сделан зело чудно и удивительно, и всегда в нем бывает ветер холодный» – 34).

Неудивительно, что эти как бы подземные пути под горными сводами, так непохожие на обычные дороги, да еще и ведущие в мир, изобилующий чудесами природы, задали такой эмоциональный тон описания и неаполитанских окрестностей, и самого города, в котором интенсивное эстетическое переживание, выраженное эпитетами «чудный» и «дивный», сливается с изумлением при виде невероятных явлений природы, выраженным теми же эпитетами, но уже в собственном значении слов «чудо» и «диво». Толстой, первый русский путешественник, проделавший по окрестностям Неаполя этот своеобразный «круг почета», который станет впоследствии обязательным туристически-экскурсионным маршрутом для всех его соотечественников, склонен буквально не верить собственным глазам – до того необычно все, что им открывается – и явно сомневается в том, что таким невиданным вещам, которые он описывает, поверят его будущие читатели.

Эта интонация особенно очевидна в описании Собачьей пещеры (где поднимается «<...> от земли воздух тягостный, который скоро умерщвляет всякое животное, человека и скота, и зверя, и птицу, а в высоту от земли того заразительного воздуху только на четверть аршина» – 30) и озера Лукринов, в котором, «<...> неаполитанцы называют воду живою» (30). Нельзя не заметить, что словосочетание «живая вода» не может не вызвать в национальном русском сознании соответствующей фольклорной ассоциации с волшебносказочным образом этой всеисцеляющей субстанции, способной возродить человека от смерти к жизни – и наблюдая, как в «живой воде» озера Лукрино оживает задохнувшаяся в удушливом газе пещеры собака, Толстой не мог не чувствовать себя внезапно очутившимся в мире русской волшебной сказки, где герой-протагонист, павший жертвой злых враждебных козней, возрождается именно таким способом. И конечно же, все это представляется русскому путешественнику до такой степени неправдоподобным, что он считает необходимым подчеркнуть, как бы опасаясь недоверия своих будущих читателей: «Те вещи я освидетельствовал

явно».

Столь же невероятными оказываются и созданные отчасти самой природой, отчасти человеком термы Нерона – «Нероновы бани», которые не нужно топить, потому что в них «<...> были воды холодные и горячие от природы, то есть от существа, а не огнем гретые» – это последнее обстоятельство до такой степени удивляет путешественника, что он впадает в явный плеоназм, свидетельствующий о его желании как можно убедительнее донести до будущих читателей мысль о естественном источнике тепла, с которым ничего не сделали протелевшие над ним тысячелетия: «<...> и ныне те бани целы, и воды в них холодные и горячие есть всегда» (31). Баня, которую не нужно топить, тоже может вызвать национально-фольклорную ассоциацию с волшебными свойствами бытовых объектов в русской сказке – например, с самоходной печью Емели-дурачка или с его же самостоятельно идущими в дом от колодца полными воды ведрами, которые не нужно нести на коромысле.

И о том, что образ «щучьего веленья, моего хотенья» был где-то близко к поверхности сознания Толстого, свидетельствует приводимая им далее местная легенда вполне волшебносказочного свойства, которая в таком контексте выглядит не только закономерно, но и совершенно правдоподобно. Осматривая древние руины недалеко от развалин дворца Нерона, пораженный всем до этого момента уже увиденным, русский стольник вполне серьезно и положительно излагает предание о том, как обитатель этого места, «<...> один римский сенатор Артанциуш <...> призывал к берегу из моря рыбу и имал себе на потребу какую хотел» (33). Зрелище стольких, фигурально говоря, чудес природы вызывает у русского путешественника, человека вполне трезвого и прагматичного, полное доверие к повествованию о чудесах в строгом смысле слова.

Если в этих местах природа столь любезна, что снабжает людей горячей от природы водой, позволяя им обойтись без помощи дров, огня и работы, то почему бы человеку, некогда жившему в этом волшебносказочном мире, на берегу этого моря, не добывать морскую рыбу без помощи сетей и удочек, а просто так, как в сказке, «по своему хотенью»?

Это общее впечатление чуда очевидно и в описании поразительных свойств «земли» под названием «пуцуляно» (пуццолана), добываемой в горах поблизости от этих мест и используемой для закладки фундаментов под каменное строение в воде, потому что «та земля в воде такова крепка бывает как железо или как твердый камень, а видом та земля изжелта-серовата» (32). И своего рода кульминацией этого сказочно-чудесного путешествия становится посещение и описание *Piscina mirabile*, подземного резервуара для пресной воды, в самом названии которого, в слове «*mirabile*», заключен тот же самый смысл: итальянское прилагательное, происходящее от глагола «*mirare*» («смотреть, рассматривать, любоваться») соединяет в себе именно те смыслы,

которые русский путешественник на своем языке стремится выразить эпитетами «чудный» и «дивный»: «удивительный, чудесный, достойный удивления и восхищения».

Все это приводит к тому, что в сознании Толстого, человека просвещенного, начитанного и вообще незаурядного, уравниваются в правах исторический факт, мифологическое предание и историческая легенда, приуроченные к одному и тому же единому пространственному континууму, существующему с незапамятных пор в непрерывном течении исторического времени, которое у истоков своих неотличимо от циклического времени мифа. При виде мест, известных ему ранее только по названию, в его памяти оживают образы людей, когда-то эти места населявших, и абрисы событий, некогда здесь реально происходивших или же приуроченных к этому топосу мифологическим преданием. Мизенский мыс, бесспорно, был известен Толстому до того, как он его увидел – и известен не только по мифологическому сюжету, как место высадки спасшегося из побежденной Трои Энея, но и как место, ассоциативно связанное с историческим происшествием: гибелью античного ученого Плиния Старшего во время извержения Везувия в 79 г. н.э., того самого извержения, которое уничтожило еще не найденные и не откопанные ко времени пребывания Толстого в Неаполе Помпею и Геркуланум. Однако же оба эти ряда фактов, эстетический и реально-исторический, сливаются в его сознании в одно синкретическое баснословное прошлое время:

На том острове древле жил философ-владелец, который назывался Плиниус. К тому Плиниусу на вышепомянутый остров ушел из Трои во времена Троянского разорения один сенатор Троянский называвшийся Энея, о котором особая есть история. Тот помянутый Плиниус сгорел на той горе, что против Неаполя, которая от сотворения света горит непрестанно и доныне, и тот Плиниус неверствием был одержим, <...> и хотел видеть из той горы исходящий пламень и упал в ту гору и там сгорел (33–34). Так мифологический основатель Рима, известный русскому путешественнику не столько по «Энеиде» Вергилия, сколько по рукописным «Троянским сказаниям», «<...> бытовавшим на Руси с XVI в. как переводы романа Гвидо де Колумна и Мартина Бельского»

[7. С. 341], оказывается современником реальноисторического Гая Плиния Секунда Старшего (23–79 гг. н. э.), на образ которого наложился еще и образ его племянника, обитателя Мизенского мыса Плиния Младшего, описавшего гибель дяди в своих знаменитых письмах; в представлении же об обстоятельствах гибели Плиния Старшего явно просматриваются отзвуки легенды о гибели греческого философа Эмпедокла в кратере вулкана Этны.

В атмосфере ожившей мифологии и поразительных явлений и созданий природы, сама невероятность и в то же время непреложная материальность которых укрепляет веру в реальность легенды и достоверность предания, чудом становится и все то,

что, вообще говоря, к разряду невозможного и нереального не относится, но в повествовании Толстого о дивном городе окрашено единой интонацией нескрываемого изумления и искреннего восхищения. Это интерьеры домов богатых неаполитанцев, где Толстой любит на «<...> изрядные веселые палаты с предивными уборами» и «<...> картины чудных италийских писем» (34); это отделка прогулочного судна неаполитанского вице-короля, на котором он катается по заливу: «<...> филюга <...> сделана предивным сницарским мастерством, вся вызолочена» (37); это королевские кареты «<...> преславные Римские работы <...> таким преславным дивным мастерством сделаны, которого <...> описать подлинно трудно» (40); это украшающие неаполитанские улицы многочисленные «<...> изрядные фонтаны, которые сделаны из кремней и из раковин морских предивною работою» (45); это аптека, «<...> где убраны 5 палат аптекарских многими лекарствами зело предивно» (45); это изумительная ловкость малолетних воспитанников иезуитской коллегии, отпрысков благородных неаполитанских семейств, поразивших русского путешественника своими успехами в гимнастических упражнениях: «<...> а паче удивления достойно, как <...> 4 человека изрядных молодцов и честных отцов дети скакали через деревянную <...> лошадь, какими дивными штуками и какою легкостью, того описать подлинно невозможно» (47); это и дом «<...> одного великого неаполитанского дука», окруженный «<...> предивно построенным садом» с фонтанами «пречудной работы», украшенный «уборами предивными», а дети хозяина, «три сына малые», потрясают воображение гостя своей воспитанностью и искусством петь «при цимбалах по нотам» и «танцевать изрядно по-французски, и зело удивительно, что и четырехлетний младенец пел по нотам и танцевал по-французски» (48); это, наконец, знаменитые неаполитанские лимоны, «<...> каких величеством во всей Италии нигде нет, и зело дешевы» (51) – о лимонах, как об устойчивом лейтмотиве образа Неаполя в русском сознании, речь еще впереди, но нельзя не заметить, что этот, без преувеличения, ментальный символ города изначально возникает в первообразе русского неаполитанского текста.

Но самое при этом удивительное, что, казалось бы, совершенно чуждый и ни в чем на привычную московскому столынику реальность не похожий мир в его сознании периодически вызывает образ отечества – и вызывает не по контрасту, а по аналогии:

Обыкность в Неаполе по праздникам подобна Московской. У той церкви, где праздник, торговые люди поделают лавки и продают сахара, и всякие конфеты, и фрукты, и лимонады, и шерbetы (46); Палаты Неаполитанских жителей модою особою, не так, как в Италии, в иных местах подобятся много Московскому палатному строению (49).

Может быть, эти отождествления Неаполя с Русью возникли на почве одного из первых впечатлений Толстого при осмотре достопримечательно-

стей итальянского города, которое воочию напомнило ему архитектурный облик Москвы – между прочим, обязанной своей главной приметой – Кремлем – итальянскому архитектору Аристотелю Фиораванти:

<...> пришел в библиотеку, где видел в трех палатах множество книг, между которыми показали мне книгу великую – гиштория Московская печатная <...>. В той книге в лицах напечатано город Москва, Кремль и Китай и Белый город, и подписаны башни и реки, и улицы Славянским языком, и литеры Славянские ж (45).

Но может быть и то, что это чувство внутренней родственной близости двух топосов, при всем их внешнем различии, навевал русскому стольнику именно тур по окрестностям Неаполя, ожививший в его культурной памяти волшебнo-сказочные ассоциации русского фольклорного мирообраза.

Так в записках Толстого намечаются первые очертания образа города, овеянного преданием и легендой, находящегося в центре волшебносказочного мира чудес природы; города, утопающего в «садах изрядных» и виноградниках, украшенного многочисленными фонтанами, из которых по праздникам «<...> будут истекать вина розные виноградные красные и белые, и разбираемы будут те вина неимущими и кто похочет безвозбранно» (42), но при этом «пьянство в Неаполе и блудный грех под великим зазором» (50); города, наполненного «множественным числом людей», которые ездят по его улицам «в каретах и колясках» (29), прогуливаются с семьями по морскому берегу и катаются по заливу в «изрядных филогах» (37); города, жители которого «<...> к форестьерам, т.е. к иноземцам, ласковы и приветны», а между собою «<...> съезжаются часто и живут зело любовно» (50) до такой степени, что не только «потчивают друг друга шербетами и лимонадами» (50), но и считают необходимым, чтобы все больные и недужные находили заботу и лечение в многочисленных госпиталях, количество и устройство которых буквально ошеломляет посещающего их русского путешественника, равно как и обычай знатных неаполитанцев добровольно и безвозмездно ухаживать за больными, и обычай, согласно которому осужденного на казнь преступника к месту казни должны сопровождать не только священники, но и «<...> 20 человек лучших людей Неаполитанских жителей высоких честных пород», «<...> чтоб не пришел в отчаянье» «и был бы в надежде спасения» (43) в жизни вечной.

Этот живой и пестрый, прекрасный и просвещенный город в восприятии минутного наблюдателя его жизни оказывается гораздо шире своих границ – он предстает миром, миниатюрной вселенной, живым свидетельством Божьего могущества и постоянным напоминанием о Божьем гневе в своих природных чудесах: это не только современный мир, но и микромодель мира древнего, то ли реально-исторического, то ли легендарномифологического, что, впрочем, неважно, потому что память

об этом мире живет в руинах древних языческих храмов и дворцов, напоминающих о людях, в них некогда живших и оставивших им свои исторические и легендарные имена.

Компактные, обозримые масштабы этого неисчерпаемого в своей сегодняшней жизни и в своем мифологическом, историческом, легендарном наследии города-мира только усугубляют то чувство чудесности и нереальности, невообразимости и неизобразимости, которое становится эмоциональной доминантой самого раннего образца русской неаполитаны Нового времени и тем самым закладывает первоначальные основы неаполитанского текста русской словесной культуры XVIII–XX вв.

Покидая Неаполь «Июля 8 дня» 1698 г., русский стольник Петр Андреевич Толстой не знал двух вещей. Он не знал, что через 20 лет судьбе будет угодно вновь привести его в «пречудный» и «предивный» город с деликатной и очень этически сомнительной миссией, осуществление которой станет венцом его профессиональной дипломатической карьеры и принесет ему графский титул, но на его нравственный облик в памяти потомков навсегда наложит несмываемую печать маккиавелизма и отчасти – даже беспринципности и жестокости. В 1717 г. император Петр I поручит ему отыскать и любой ценой вернуть в Россию своего сына и престолонаследника, царевича Алексея Петровича: в отсутствие отца и повелителя царевич тайно покинет родину и попросит политического убежища у римского императора Карла VI, который укроет своего юного родственника в одном из самых отдаленных владений австрийской короны, в неаполитанской крепости Кастель Сант-Эльмо.

Не знал Толстой также и того, что его записки, официальный отчет о его путешествии по Италии и просветительская книга, адресованная «гражданам российских Европий», которым предстояло волею Петра I вписаться в европейский культурный контекст, будут впервые опубликованы только спустя почти два века и текст этих записок послужит документально историческим источником и стиливым средством создания исторического колорита писателю-символисту Дмитрию Мережковскому, который на рубеже XIX–XX вв. обратится к трагической истории царственных отца и сына в рамках широкого эпического замысла трилогии «Христос и Антихрист». И образ самого Толстого, родоначальника русской неаполитаны, закономерно возникнет в неаполитанском эпизоде романа, и в этом, одном из самых поздних, образце неаполитанского текста русской словесной культуры классического периода будет интерпретирован Мережковским столь же двойственно, как интерпретирован в путевых записках русского стольника образ Неаполя, колеблющийся на грани сказки и реальности.

Петр Андреевич Толстой в романе Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» предстанет в двух личностных ипостасях на грани исторической до-

стоверности и художественного вымысла – в своем собственном облике, как реально-исторический министр Петра I, жестокий и беспринципный политик П.А. Толстой, одна из главных фигур в деле царевича Алексея и как вымышленный литературный персонаж, беглый навигацкий ученик Алешка Юров по прозвищу Езопка, в уста которого Мережковский вложит текст записок Толстого. Этот плод авторского воображения соединит в себе судьбы гонимого и гонителя – беглый Алексей Юров носит то же имя, что и беглый царевич, а рассказы Езопки – это текст «ловца человек» Толстого, тоже бывшего навигацким учеником в то время, когда он создавал свои записки. И само прозвище вымышленного персонажа – Езопка, восходящее к имени полулегендарного греческого баснописца, является доказательством того, что отмеченное нами в записках Толстого мировосприятие в синтезе мифологии, легенды и истории является их объективным атрибутом, равно как и осязаемое в их тексте опасение русского стольника, как бы его будущие читатели не приняли его рассказы за вымысел. Русская идиома «басни

рассказывать» означает говорить заведомую неправду, и Мережковский, именуя своего персонажа, в уста которого он вложил текст Толстого, Езопкой, почувствовал и образно-символически обозначил в записках Толстого именно это их колебание на грани обыденной и неправдоподобночуждой реальности.

Так большой неаполитанский интертекст русской словесности, у истоков которого лежат записки Толстого, замкнется в образно-тематическое и сюжетное кольцо романом Мережковского и обнаружит свой самостоятельный миромоделирующий, сюжетообразующий и характерологический потенциал в акте подспудной мотивации образно-смысловых структур русского художественного текста, в котором город Неаполь не просто предстанет как место протекания повествуемых исторических событий, но и развернет в сюжете неаполитанского эпизода романа свои образные коннотации как основной эстетический фактор, предопределяющий осмысление и интерпретацию исторических характеров и происшествий. ■

Библиографический список

1. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992. (Литературные памятники).
2. Ольшевская Л.А., Травников С.Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992. (Литературные памятники).
3. Русский архив. 1888. Кн. 1, вып. 2–4; Кн. 2, вып. 6–8.
4. Русский архив. 1888. Кн. 1, вып. 2.
5. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.
6. Русский архив. 1888. Кн. 2, вып. 5.
7. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 / Комментарий Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова. М., 1992.

ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.П. Каминский

Публицистика трактуется как тип высказывания, в котором максимально развернуто такое свойство мышления и коммуникативной ситуации, как публицистичность, т.е. прямое выражение мысли автором высказывания. Публицистический дискурс, представляя собой разновидность риторического, прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения. Писательская публицистика – переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способы мышления.

Публицистика понимается в современной теории предельно широко. Исследователи не находят единого основания для определения предмета и природы публицистики. Одновременно с этим не выработано понимание публицистичности и представление о соотношении этих понятий. Все это указывает на чрезвычайную сложность и многоаспектность рассматриваемого явления: «...Не очень-то ясно <...>, что же оно такое: публицистика и что же оно такое: публицистичность» [1. С. 209]. Отсутствие общепризнанного, унифицированного понятийного аппарата делает ключевой проблеме установления границ предмета исследования и критериев его выделения.

Наибольшее количество отечественных работ по теории публицистики было написано в советскую эпоху, когда публицистика напрямую связывалась с идеологией правящей партии. Это серьезно дискредитировало само понятие публицистики в журналистской науке постсоветской России, когда теория публицистики практически не разрабатывалась [2]. Вместе с тем теоретические результаты, накопленные в теории публицистики советского периода, представляются ценными и на современном этапе развития науки.

Подавляющее большинство теоретических концепций основывается на закреплении за публицистикой особого предмета изображения. Им признается общественная и политическая жизнь. Выработывая такое понимание предметной области публицистики, теоретики исходят из этимологии термина: «publicus» (лат.) – «общественный». Так, В.И. Здорова считает публицистикой «все пу-

бличные выступления на актуальные общественно-политические темы» [3. С. 14].

Основанием других теоретических построений становится характеристика публицистики через категорию деятельности. З.В. Сенук характеризует публицистику как способ общественной деятельности, осуществляемый творческими методами и с использованием каналов массовой коммуникации:

«Творческая деятельность субъекта по созданию особых публицистических образов посредством различных знаковых систем, с целью актуализации в обществе той или иной идеологии» [4. С. 10]. Публицистика участвует в формировании политической культуры, оказывает мощное влияние на процессы социального регулирования и политической социализации. Она существует в сфере политики и генетически связана с идеологией; социальные идеалы продуцируются публицистикой и транслируются в ходе массовой коммуникации.

Публицистика может рассматриваться через систему социальных функций – как род творчества, направленный на непрерывное воздействие на общественное мнение: средства и способы убеждающего влияния публицистического слова, различные виды обосновывающей аргументации и т.д. [5–7]. В этом аспекте публицистика характеризуется как одна из форм ведения массовой пропаганды и агитации, инструмент социального управления и организации [8, 9]. В теоретической концепции Е.П. Прохорова понятие публицистики определяется через категорию реального адресата. Монография «Искусство публицистики» утверждает идею строго детерминированной соотнесенности публицистики с ее контрагентом – общественным мнением:

«...творческая специфика публицистики <...> напрямую зависит от ее социального призвания – принимать непосредственное участие в жизни общественного мнения» [10. С. 27]. Автор публицистического произведения выступает как его представитель; содержание публицистических текстов выражает общепризнанные смыслы и значения.

Родообразующей характеристикой публицистики в концепции Ю. Суровцева является не предмет или функция, а особый способ изобра-

жения. С точки зрения критика, предмет публицистики чрезвычайно многообразен и не сводится «ни к «политике», ни к «экономике», ни к «быту», ни к сфере «морали» [1. С. 217]. Важная категория, выделяемая Ю. Суровцевым, – публицистичность. Она понимается как «тип социального поведения в литературе» (М. Горький), позиция автора, его самоопределение в мире, способ освоения действительности. В соответствии с этим публицистика представляет собой тип творческой деятельности, подразумевающий открытое, не опосредованное авторское слово и прямой контакт с аудиторией в выражении своих мыслей.

М.С. Черепახов представляет комплексный подход к исследованию публицистики. В его концепции публицистика называется одним из трех самостоятельных видов познания действительности – «родов литературы», наряду с научной (научно-популярной) и художественной. Выделять публицистику в особый род литературы исследователю позволяет специфика ее предмета, содержания и функций, методов познания и формы. Чтобы определить предмет публицистики, ученый выявляет ее отличия от других сфер познания жизни – науки и искусства. Задачей науки является поиск объективной истины. Художественная литература служит целям эстетического познания жизни и человека. Кардинальное качество публицистики составляет «политическое постижение действительности, осуществляемое в агитационно-пропагандистских целях и имеющее своим конечным следствием воздействие на организацию социального поведения масс» [11. С. 27].

Понятия «публицистика» и «журналистика» часто использовались как синонимы в журналистской науке советского периода [12–18]. То есть публицистика понималась, во-первых, как деятельность по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной информации через печать, радио и телевидение, во-вторых, как вся совокупность творческих материалов газетной и журнальной периодики. В.М. Горохов рассматривает публицистику как высший род журналистики. Признаками публицистики, по сравнению с информационной журналистикой, называются ярко выраженное авторское начало, концептуализм, масштабность выводов и обобщений, истолкования проблем жизни общества: «Публицистическое произведение более широко и объемно захватывает жизненный материал и, отображая факт общественно-политической деятельности, развивает политическую идею применительно к более широкому кругу духовных ценностей» [19. С. 23]. В работах М.С. Черепახова, В.В. Ученовой и других теоретиков публицистики журналистика понимается как система средств массовой информации и область существования публицистики: «Сказать «публицистика и журналистика» все равно что сказать «художественная литература и книга, журнал» [11. С. 52]. В основном работы по теории публицистики такого рода ориентированы на

практическую сферу. Широко представлены пособия, практикумы для пишущих газетных публицистов. В теории журналистики исследуются методология публицистического творчества, закономерности творческого процесса публициста [20, 21]. Отдельные аспекты публицистики рассматриваются политологией: социальное бытие публицистики, универсальные закономерности ее функционирования, механизмы влияния на массовое сознание.

Публицистика характеризуется и как часть литературного творчества, полноценное эстетическое явление. Главным образом это касается жанра очерка. Распространено мнение об очерке («человековедческая» публицистика) как об эпическом жанре художественной литературы (Е. Журбина, В. Канторович и др.). Г.Я. Солганик не дифференцирует роды словесного творчества как формы познания действительности, говоря о публицистике как о своеобразной «разновидности словесного искусства» [22. С. 5]. А. Рубашкин полагает, что «резких границ между искусством и неискусством не существует» – публицистика расширяет круг художественно-эстетического освоения действительности писателем [23. С. 357–358]. Н.И. Глушков не считает очерк исключительно жанром публицистики [24–26]. Теоретиков публицистика интересует и как определенная тенденция в литературном процессе, и как важная сторона творчества того или иного художника – писательская публицистика и публицистичность в художественной прозе. В лингвистике изучается язык и стиль публицистики.

Очевидно, теоретические основания, используемые в современных концепциях публицистики, не дают полного представления о природе публицистики и публицистичности. Исследователи обращаются к разным аспектам явления публицистики, в то время как публицистика представляет собой многоаспектный феномен, не имеет строго определенного предмета и может потенциально охватывать все явления действительности. Несовершенство теории заставляет обратиться к проблеме генезиса публицистики. В.В. Ученова и другие исследователи прослеживают истоки публицистики в риторике [27–30]. М.М. Бахтин характеризует журналистику как «современную риторику» [31. С. 354].

Публицистика – это тип дискурса, вербально оформляющий и выражающий такое свойство мышления, как публицистичность. Она проявляется в любых дискурсах (научном, эстетическом и т.д.) и даже в невербальных формах (изобразительное искусство, фотография, кинематограф и т.д.). При этом публицистичность стремится к обособлению, тяготеет к созданию собственного автономного дискурса, в котором бы получило максимальные возможности для своего выражения – воплощается в особом виде текстов. Исторически это обособление происходит в речевой практике. Предмет публицистики – реальность во всем многообразии. Но в силу риторических истоков в публицистике генети-

чески, а позднее и исторически формируются предметные зоны предпочтений: идеология, политика, общественная деятельность и т.д.

Публицистичность – свойство мышления автора публицистического произведения, который отождествляет себя с неким корпоративным целым, выступает не сам по себе, а от лица какой-либо общности (коллектива единомышленников, социальной группы, общества в целом). Автор находится в отношениях взаимозависимости с адресатом: «Адресат может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным и начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п.; он может быть и совершенно неопределенным, неконкретизированным другим» [32. С. 275]. Следуя этой логике, адресатом художественного дискурса можно называть недифференцированного другого, научного – узкий круг специалистов, публицистического – дифференцированную в зависимости от предмета и обстоятельств коммуникации общность людей (социальная группа, общество и выражаемое им общественное мнение), выступающую объектом риторического воздействия.

Риторический дискурс имеет строго ограниченные и определенные цели. Он выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения. С этой целью риторика использует арсенал языковых средств всех возможных типов дискурсов. Выбор зависит от функциональной уместности в данном коммуникативном акте:

«Уместность определяет силу воздействия речи, то есть лежит в основе ее убедительности. <...> Слово растворяется в своей функциональности, но быть функциональным значит быть убедительным» [33. С. 57]. Язык для риторики является не формой, а действием, определяя прагматическую природу этого вида речи. Риторический дискурс неоднороден и присутствует в знаковых системах, свойственных всем типам мышления: научному, художественному, юридическому и т.д.

Ц. Тодоров выделяет 4 этапа развития риторики. На первом, «доцицероновском» этапе риторика развивается как техника внушения и убеждения в условиях античной демократии. Установление авторитарных режимов правления и ограничение демократических прав и свобод граждан приводит к первому кризису риторики и изменению ее содержания. Этот период длится около 1800 лет, от Цицерона до Фонтанье. Отсутствие цели убедить собеседника превращает риторику в собрание фигур. На смену «орудийной» концепции риторики приходит орнаментальная, на первый план выдвигается не функциональный аспект дискурса, а неутилитарный аспект формы высказыва-

ния: «...риторика превращается в теорию речи, которой восхищаются как таковой и ради нее самой» [Там же. С. 64]. Утверждение преимущества мысли перед словом в доктрине христианства приводит к отрицанию риторики, моральному осуждению риторических приемов. Однако благодаря этому риторика сохраняется как набор правил высказывания: «Наличие системы ценностей, обязательных для всего общества, отменяет свободу слова, но сохраняет его регламентацию. Факторы, которые привели красноречие (а с ним и риторику) к упадку, в то же время способствовали его сохранению» [Там же. С. 74–75]. Второй, еще более тяжелый кризис риторики, с точки зрения Ц. Тодорова, приходится на эпоху романтизма (конец XVIII в.): признание законности наслаждения языком как таковым приводит к устранению необходимости регламентации риторического дискурса, исчезновению потребности в риторике. Четвертая эра риторики – современная эпоха массовой коммуникации. Ученый констатирует возвращение прагматического красноречия в сфере политики: «Сегодня власть находится на кончике языка: слово – скорее то, что сходит с экрана, чем звучащее на собраниях и заседаниях, – снова стало действенным оружием» [Там же. С. 78].

С точки зрения отечественной науки (В.В. Ученова, З.В. Сенук и др.), полноценное развитие публицистики начинается на рубеже Нового времени, с появлением средства массового тиражирования – печатного станка. С тех пор публицистика становится центром общественно-политической жизни в переходные периоды истории. Формирование предпосылок публицистики в русской культуре относится к эпохе Древней Руси: ораторское искусство, полемика воинствующих церковников, политические обличения летописцев, сатирический и исторический фольклор. Н.И. Глушков видит зачатки жанра очерка уже в «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве», хождениях и житиях святых [24].

Таким образом, публицистика может быть рассмотрена как сложный жанр речевого высказывания, складывающийся по мере развития организованного культурного общения и обладающий устойчивыми характеристиками: тематическое содержание, стиль, композиция, целевая установка (М.М. Бахтин). Это позволяет использовать семиотический подход, рассматривать феномен публицистики как факт коммуникации и определенную знаковую систему.

Семиология изучает два плана отношений, в которых существует знак:

1) отношения между знаком и предметом (референция); 2) отношения между говорящим и слушающим. В ходе коммуникативной связи «под воздействием знаков в уме слушающего возникает переживаемый смысл, обитающий в уме говорящего» [33. С. 33]. Говорящий в акте коммуникации продуцирует знаки, транслирующие смысл вовне. Отдельные сообщения организуются и становятся понятными через соотнесение с кодом («...Код – это

структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего» [34. С. 67]). Адресат высказывания декодирует и воспринимает транслируемый смысл. Этот процесс в публицистике имеет свои особенности.

Публицистичность порождает особый тип убедительности. Если «...эстетическое сообщение открыто разнообразным наслаивающимся друг на друга толкованиям» [Там же. С. 88], то научный и публицистический дискурс, напротив, исключают многообразие интерпретаций, предполагая единственное, наиболее полное и адекватное истолкование сообщения адресатом. В научном дискурсе это достигается использованием универсального, общепринятого в научном сообществе семантического кода. В публицистическом дискурсе такая единая знаковая система отсутствует. Публицистическое высказывание направлено на носителей разнообразных кодов, функционирует в разных коммуникативных обстоятельствах. Публицист, как и ритор, учитывает «все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [Там же. С. 108]. Адресат является моментом, трансградиентным автору; волевая установка автора существует в активном ценностном контексте читателя, который и организует архитектуру публицистического высказывания.

Публицистическое высказывание предполагает совпадение предпосылок мышления и навыков суждения говорящего и адресата, обеспечивающее бесспорность аргументации. Как утверждает М.И. Стюфляева, «в публицистике связь «автор – читатель» устанавливается напрямую, минуя промежуточные звенья, необходимые художественной литературе» [35. С. 75, 79]. Публицистический дискурс обладает особой диалогичностью, когда ответные реакции адресата запрограммированы и предполагаются в высказывании. Он содержит возможность «внутримонологической диалогизации», полемический потенциал, предусматривающий «отражение читательского мнения в повествовании от лица автора путем вторжения в его монолог диалогических элементов» [Там же. С. 89]. Кроме того, автор-публицист может «обнародовать» приемы своего творчества, делая процесс познания жизни и человека открытым.

Автор в публицистике занимает позицию редуцированного отстранения (Ю. Тынянов), непосредственно выражен как личность оценивающая. Содержание публицистического высказывания тяготеет к опредмеченности в этических определениях, выражает определенное ценностное отношение к чему-либо. Мысль, чистая познавательно-

моральная оценка полностью совпадает с автором, выражена напрямую и ориентирована на навыки суждения и способ мышления адресата. Персонаж жанра очерка не трансградиентен автору, что превращает эстетическое событие в этическое: «Когда герой и автор совпадают или оказываются рядом друг с другом перед лицом общей ценности или друг против друга как враги, кончается эстетическое событие и начинается этическое» [36. С. 49]. При этом автор присутствует в публицистическом тексте «не как объективное надындивидуальное мнение»: «Особенность публицистики заключается в том, что в ней автор практически идентичен личности публициста» [35. С. 76].

Логику публицистического высказывания, направленного на убеждение, определяет нередуцированный анализ. Аналитическое начало детерминирует доминирование в публицистическом высказывании логико-понятийных форм, что сближает публицистическое высказывание с научным. Однако, в отличие от научного дискурса, анализ публицистики не регламентирован универсальным кодом и входит в логику высказывания в соответствии с конкретными коммуникативными задачами.

В силу функциональности слова собственно публицистических текстов в них могут использоваться средства художественной выразительности, свойственные эстетическому дискурсу. Сложное взаимодействие образных и логических структур в рамках публицистического произведения является камнем преткновения в теории публицистики, основанием для выяснения сходства и различий между публицистикой и беллетристикой. С другой стороны, это приводит к бессистемности классификации жанров публицистики. Теоретики разграничивают аналитико-социологическую (трактатную, деловую) и художественную (эссеистскую, очерковую) публицистику (Е.П. Прохоров, М.И. Стюфляева, Ю. Суровцев и др.).

Канал распространения публицистического произведения (газета, журнал, теле-, радиопрограмма, книга и т.п.) оценивается исследователями как особый публицистический метатекст: «Газетный очерк выступает не отдельно, не сам по себе, а «в политическом концепте газеты», являясь частью газетного листа, решая вместе с другими материалами общие задачи номера» [37. С. 7]. Публицистика входит в метатекст СМИ наряду с художественными, научными, административно-деловыми и юридическими материалами [28. С. 9]. Метатекст СМИ является важным коммуникативным обстоятельством каждого конкретного публицистического высказывания, определяя его особенности.

Писательская публицистика представляет собой переходное явление, в котором соединяются публицистическое и художественное мышление. Как и публицистика в целом, писательская публицистика – чрезвычайно многообразное явление: «Писатель может выступать в мире mass media не обязательно как публицист-художник, а как аналитик-журналист,

<...> и это вовсе не унижает его авторского достоинства» [1. С. 211]. Писательская публицистика – выражение прямого слова художника, тип творчества, предшествующий художественному или следующий за ним как авторский комментарий эстетики художественных текстов, выражение позиции по самым разным вопросам действительности. Писательская публицистика может тяготеть и к рассказу (фабульное повествование, яркая изобразительность), и к аналитической статье. На писательскую публицистику воздействуют особенности метатекста канала и типа СМИ, где художник выступает как публицист (расчетная аудитория, функциональная направленность, жанровые модели, тематика и проблематика, позиция, периодичность, метрический объем, потенциально допустимый объем публикации и другие типологические характеристики издания). Различными будут писательские публицистические выступления, опубликованные в общественно-политической газете, литературно-художественном журнале, и высказывания на радио или телевидении.

Таким образом, любое исследование публицистики на современном этапе должно содержать понимание: 1) многообразия предмета

публицистики; 2) особенностей коммуникативной ситуации; 3) специфики адресата и адресанта публицистического высказывания; 4) своеобразия создаваемого дискурса; 5) модуса публицистического высказывания. Публицистика представляет собой тип высказывания, в котором максимально развернуто такое свойство мышления и коммуникативной ситуации, как публицистичность, т.е. прямое выражение мысли автором высказывания. Публицистический дискурс, представляя собой разновидность риторического, прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения. Писательская публицистика – переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способы мышления. В понятие публицистики поэтому должны включаться не только простые жанры (статья, комментарий, интервью, зарисовка), но и жанры критической статьи, очерка, поскольку элементы художественного детерминированы в них самой логикой развертывания публицистического дискурса. ■

Библиографический список

1. Суровцев Ю. О публицистике и публицистичности // Знамя. 1986. №4. С. 208–224.
2. Основные понятия теории журналистики: (Новые подходы к проблеме) / И.Д. Фомичева, Е.П. Прохоров, Г. Пёршка, Г.В. Лазутина, И.М. Дзялошинский, И.М. Фролова; Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 207 с.
3. Здорова В.И. Слово тоже есть дело. М., 1979.
4. Сенук З.В. Публицистика как фактор развития политической культуры: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1993. 18 с.
5. Скулёнок М.И. Убеждающее воздействие публицистики: (Основы теории). Киев: Виц. шк.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1986. 174 с.
6. Фоминых В.Н. Публицистический факт: Путь к оптимизации журналистского текста. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. 124 с.
7. Калачинский А.В. Аргументация публицистического текста. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 119 с.
8. Корконосенко С.Г. Социальное управление и печать: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. 83 с.
9. Новопашин А.П. Коммуникация и власть. Тюмень: Мандр и К, 2004. 136 с.
10. Прохоров Е.П. Искусство публицистики: Размышления и разборы. М.: Сов. писатель, 1984. 360 с.
11. Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1973. 267 с.
12. Прохоров Е.П. Публицистическое обозрение: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 35 с.
13. Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика: Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 60 с.
14. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров: (Очерк, фельетон). М.: Мысль, 1969. 399 с.
15. Газетные жанры. 2-е изд., перераб. М.: Политиздат, 1976. 176 с. (Библиотека журналиста).

ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ХРАНИЛИЩАХ ДАННЫХ

И.А.КАЗАКОВА

Самой распространенной архитектурой хранилищ данных является звездообразная схема. Как правило, факты из таблицы фактов связаны не с одним моментом времени, а с некоторым промежуточным временем. Следовательно, временное измерение обычно является обобщающим. Если речь идет, например, о продажах товаров в определенной фирме, то, как правило, в хранилище не будут регистрироваться сведения о каждой продаже каждого товара в каждом филиале фирмы каждым продавцом. Более вероятно, что понадобятся сведения об объеме продаж по определенным товару, филиалу и продавцу за единицу времени. Единицей времени может быть день, неделя, месяц, квартал, год. Чаще всего в качестве единицы времени выступает отчетный период, принятый в конкретной организации. При выборе единицы измерения времени возникает дилемма: либо хранить огромное число фактов, которые впоследствии в большинстве случаев придется обобщать (при выборе слишком малого промежутка времени), либо, из-за того, что при обобщении выбран слишком большой период времени, мириться с отсутствием некоторых необходимых данных [1]. Выбор степени детализации по времени имеет большое значение, потому что позволяет уравновесить два фактора – необходимость в более детальном разбиении данных и растущий объем хранилища данных.

Временное измерение может также служить основой для секционирования таблицы фактов.

Секционирование необходимо для уменьшения объема таблицы фактов и, вследствие этого, значительного упрощения управления этой таблицей. Время является наиболее логичным измерением для секционирования. В этом случае получают приблизительно равные по объему кванты времени.

Выбор степени детализации временного измерения (день, неделя, квартал и т.д.) играет исключительно важную роль. Если, например, в качестве единицы измерения выбрать месяц, то средство анализа сможет обобщить данные в еще большей степени и показать результаты по годам. Затем с помощью различных методов детализации можно представить данные по кварталам нужного года, а потом вновь по месяцам. В этом случае нельзя будет выполнить более подробную временную детализацию, поскольку для этого нет данных [2].

При обобщении некоторая часть информации всегда теряется [3]. Например, возможна ситуация, когда в определенных районах объем продаж значительно возрастает из-за того, что некоторые торговые филиалы в течение рабочего дня работают дольше других. Обобщая данные о продажах по дате эту важную особенность можно упустить.

Таким образом, при проектировании хранилища данных необходимо уделять серьезное внимание временным измерениям и в каждом конкретном случае принимать решение о необходимой для обобщения степени детализации. ■

Библиографический список

1. Зиновьев А. Ю. Визуализация многомерных данных. – Красноярск: Изд. Красноярского государственного технического университета, 2000.
2. Чубукова И. А. Data Mining: учебное пособие. – М.: Интернет-университет информационных технологий: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2006.
3. Перминов Г.И. УМК - «Системы интеллектуального анализа данных» (Business Intelligence). ГУ-ВШЭ, 2007.

Уважаемые читатели!

При желании связаться с автором публикации, просим Вас обращаться в редакцию журнала.
Электронная версия журнала доступна на сайте www.nauchoboz.ru.